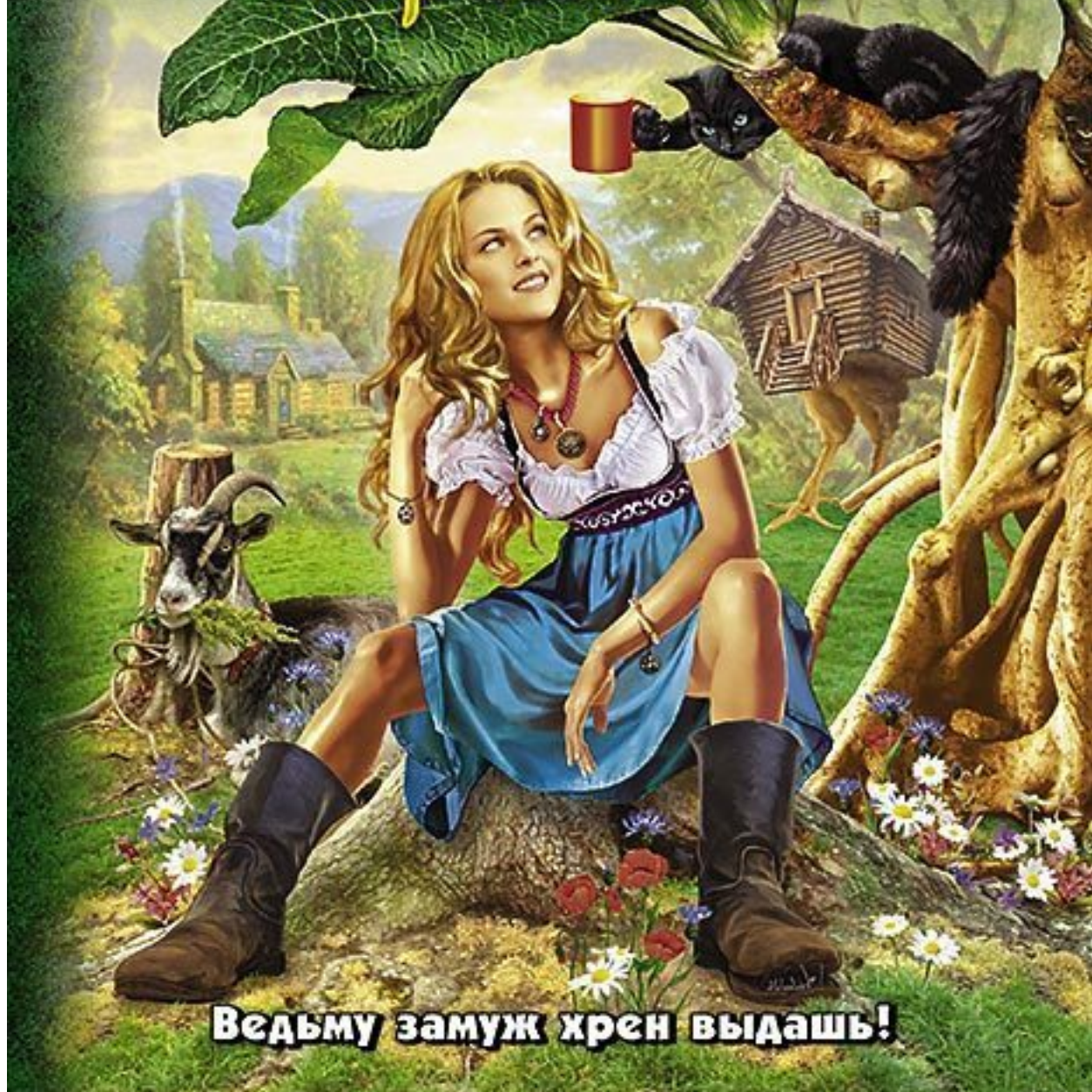

Татьяна Андрианова

Хренодерский переполох

Ведьму замуж хрен выдашь!

Хренодерский переполох

Татьяна Андрианова

Хренодерский переполох

«Татьяна Андрианова»

2014

Андрианова Т.

Хренодерский переполох / Т. Андрианова — «Татьяна Андрианова», 2014 — (Хренодерский переполох)

ISBN 978-5-9922-1818-3

На краю Безымянного леса стоит деревня Хренодерки, и кроме хрена хренодерчанам сложно что-либо вырастить. Хочешь не хочешь, а без ведьмы здесь не обойтись. Местная ведьма Светлолика всем хороша: и скотину вылечить, и огороды заговорить, и дождик накликать... Да вот беда: молода она и в возраст брачный вошла. Заволновались хренодерчане. Кто же горазд расстаться со своим чадом и принести его на алтарь женского счастья Светлолики? Пусть девица хороша, но ведь она ведьма и проживает в лесу, где и хищников и нежити полно. В панике голова Хренодерок, так как считает, что женщина без мужа как корова без привязи: где лучше пастбище, туда и подастся. И решил голова замуж выдать ведьму. Как положено перед таким сложным делом, спросил совета у местного жреца... Только вот мнением самой ведьмы никто не поинтересовался. И начался в Хренодерках переполох. А тут еще из неприступного, как крепость, тюремного замка опасный узник сбежал...

ISBN 978-5-9922-1818-3

© Андрианова Т., 2014

© Татьяна Андрианова, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Андрианова

Хренодерский переполох

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Посередине темного озера Ведьмино, чьи воды ядовиты и к тому же кишат разнообразными жуткими тварями, готовыми съесть любого смельчака, отважившегося переплыть его, стоит остров Беримор. Само озеро размерами вполне может потягаться с морем, а вокруг водоема тянутся непроходимые дебри Безымянного леса. Впрочем, Безымянным он был только на картах Рансильвании, жители же окрестных сел называли его каждый на свой манер и ходили в непроходимую чащу по грибы и ягоды. Некоторые, особо смелые, даже клали избы из уникальных деревьев Безымянного леса. Такие стволы не гнили, хорошо хранили тепло зимой, давали прохладу летом и рычали на чужих, оповещая хозяев о приходе неожиданных гостей.

Остров Беримор, помимо непроходимого леса с вековыми деревьями, чьи стволы выделяли ядовитую смолу, по цвету напоминающую кровь, за что смола была прозвана «слезами вампира» и опытными отравителями ценилась весьма высоко, славился на диво разнообразной нечистью, кусачей и зачастую тоже ядовитой. Солнце не жаловало своими посещениями эту землю, отчего почти забытый остров казался хмурым спящим великаном, ошетиившимся густой темной бородой леса. Но когда дневное светило обращало свое сиятельное внимание на Беримор, то наделяло жаром от души, как бы извиняясь за предыдущее пренебрежение. Под нестерпимым палящим зноем «слезы вампира» плавилась и превращалась в туман, который опутывал своими щупальцами густой подлесок, клубился в низинах, мокро лизал стволы породивших его деревьев, радостно душил в объятиях не успевших спрятаться обитателей острова, скользил над водной гладью озера Ведьмино и оседал возле его берегов.

Единственное место на острове, куда не доставал ядовитый туман от «слез вампира», – Лысая гора, или Чертов перст. И то и другое название гора вполне оправдывала. Лысой она называлась потому, что на ней попросту ничего не росло, а прозвище Чертов перст получила оттого, что гладкий черный силуэт горы чрезвычайно напоминал высунувшийся из-под земли гигантский палец с длинным ногтем.

Ногтем для горы служил черный замок-тюрьма Сартакль. Никто не знал, кто умудрился построить замок в таком труднодоступном месте. Поговаривали, что раньше это был просто райский уголок, а жуткие твари и прочие прелести, вроде ядовитой смолы и тумана, появились гораздо позже самого замка. Впрочем, доказательств тому не было, а говорить можно что угодно. Достоверными были только два факта. Первый – в этой тюрьме содержались только самые опасные преступники, а второй – за более чем тысячелетнюю историю Сартакля из него никому не удалось убежать. Да и как же тут сбежишь, если по склону горы можно спуститься только со специальным снаряжением, лесные дебри непроходимы, а обитатели с удовольствием пополнят рацион не в меру прытким беглецом. О тумане и говорить нечего: его появление практически непредсказуемо и убивает так же, как злой рок, только гораздо мучительней. Попасть в замок можно только по воздуху. Охрана меняется раз в три месяца. И раз в три месяца на воздушной колеснице, запряженной старым бронзовым драконом, доставлялись продукты и новая смена стражи.

Только начальник тюрьмы Неждан – величина постоянная. Среди стражников упорно ходили слухи, что он родился прямо в Сартакле у какой-то очень соблазнительной узницы, совратившей одного из стражников с пути истинного. Рассчитывала ли заключенная на смягчение режима или просто поддалась внезапному порыву? Версии разнились. Но по слухам, почерпнутым из «очень надежного» источника, женщина скончалась при родах, а стражник с горя спустился в лес и не вернулся. Сам же начальник тюрьмы вырос в Сартакле, жил в Сартакле, никогда и никуда не уезжал из Сартакля, скорее всего, женился бы тоже в Сартакле, только не приглядел никого подходящего. Возможно, в тюрьме больше не осталось соблазнительных узниц.

Неждан стоял на стене вверенной ему тюрьмы, подставив и без того обветренное лицо легкому ветерку. Здесь, на вершине Чертова перста, ветер был всегда. Это обстоятельство радовало как никогда, – день обещал быть жарким, а в сильную жару ядовитый туман поднимался особенно высоко и гулявший на высоте ветер был слабой гарантией, что эта едкая пакость не дойдет до самой крепости. Мужчина запустил пятерню в коротко стриженные каштановые волосы и нервно взъерошил густую шевелюру. Неужели он нервничает? Да. Если туман поднимется слишком высоко, бронзовому будет тяжело тащить за собой воздушную колесницу, он ведь уже далеко не молод.

Глава 1

Ведьма деревни Хренодерки Светлолика с трудом пробиралась по весеннему лесу, то и дело спотыкаясь и время от времени поправляя выбившиеся из-под косынки светлые волосы. Длинная коричневая юбка из грубой шерсти то и дело норовила зацепиться за очередную колючку или неудачно торчавшую ветку, а в промежутках просто путалась под ногами, мешая свободно шагать. «И как только женщины умудряются ходить в таком бестолковом одеянии? – искренне удивлялась молодая девушка, и в ее светло-серых глазах вспыхивали зеленые искорки раздражения. – То ли дело штаны. И по сугробам в них ходить удобно, и не путаются почем зря. А это что? Просто глупая никчемная тряпка, под которую так и норовит заглянуть холодный весенний ветер». И действительно, если бы не строгие нравы в соседней деревне Гнилушки, прозванной так потому, что построили ее на осушенных болотах, ведьма ни за какие коврижки не надела бы юбку. Кому пришла в голову светлая мысль построить деревню на болотах, история умалчивала, но в результате в погребах сельчан вечно хлюпало, и от любовно собранного урожая без особенных амулетов оставались одни гнилушки. Несмотря на это, народ в деревне проживал весьма зажиточный, что всегда безмерно удивляло окружающих.

Своей ведьмы в Гнилушках не было. Зато был жрец, регулярно призывающий прихожан бить ведьм камнями и лечиться только с помощью молитв. Остальные методы, включая траволечение, жрец объявил ересью и мракобесием, обещая за наглое вмешательство в промысел Всевышнего многочисленные кары небесные на головы сельчан. Сельчане пугались, истово молились, щедро жертвовали на старый деревенский храм, стоявший на самом высоком холме, не щадя лба били земные поклоны, но это им вовсе не мешало, как припрет нужда, посылать за соседской ведьмой. Правда, делали они это ночью; вдруг Всевышний, как и его жрец, спит и не заметит греховного деяния?

Вот и сейчас Светлолика возвращалась поутру после бессонной ночи, проведенной у постели роженицы. Ребенок родился крепкий, горластый, здоровенький. Счастливый отец щедро расплатился с уставшей от трудов ведьмой и быстро выпроводил ее за порог – не дай всевышний, жрец заметит или любопытные соседи разнесут по селу. А там до отлучения от храма недалеко, или епитимью какую наложит слугитель Всевышнего, и будешь все лето на чужом поле работать и за чужой скотиной ходить. Лица не обижалась. Не впервой было возвращаться одной по темному лесу – зверье ее никогда не трогало. Да и платили в Гнилушках на удивление хорошо, не то что в родных Хренодерках, где хрен хоть косою коси, а остальные растения, кроме вездесущих сорняков, произрастают с трудом, все норовят засохнуть. Если бы не воинственно настроенный жрец, давно бы переехала к соседям и жила бы себе припеваючи. Глядишь, и скотиной бы обзавелась. А то у местного головы даже кота не допросишься, полгода не несет.

Лица снова вздохнула, резко дернула за веревку вредную козу, упиравшуюся всеми четырьмя ногами. Строптивницу явно не устраивало, что она послужила платой за услуги ведьмы. Всю дорогу рогатая сопротивлялась, орала не своим голосом, выставляя вперед все четыре ноги с раздвоенными копытами. Девушка давно бы огрела заразу тяжелой корзиной, только подозревала, что хлебосольный хозяин уложил туда все, что Всевышний послал. Вдруг там яйца? Или глиняная крынка сметаны? Мм... Сметана. Вкусная, свежая, которую так хорошо добавить в пельмени, потушить в ней овощи или потомить в печи.

Мысль о вкусной домашней, и главное, горячей еде заставила желудок девушки сжаться и недовольно заурчать, напоминая о том прискорбном факте, что со вчерашнего обеда она ничего не ела. Самое обидное, что до дома оставалось всего ничего, но такими черепашными темпами раньше полудня ей не добраться.

Злить ведьму, даже сельскую, даже если она проживает во всевышним забытой глуши, не рекомендуется никому. Коза явно об этом не знала. Оно и понятно. Животное, что с него взять. Но окончательно выведенная из себя Светлолика решила не делать скидку козе на необразованность. Девушка резко остановилась. Веревка между ней и рогатой ослабла. Не ожидавшая такого финта от новой хозяйки, коза села от неожиданности и удивленно воззрилась на девушку странными желтыми глазами с вертикальными зрачками.

– Все! – топнула ногой Лика. – Кончились игры! Решай, скотина несчастная, идешь по хорошему или по-плохому?

– Ме-э-э, – довольно противным голосом ответила коза.

Что это означает? А леший ее знает. Лика не стала уточнять у лешего, тем более что его еще искать надо, а он после зимней спячки гневлив не в меру, шуметь будет, пока не разберется, кто и зачем пришел. А когда разберется, еще больше разгневется: зачем беспокоила по пустякам? Взрослая ведьма, а с козой разобраться не может. Корзину все еще было жаль, поэтому девушка поискала вокруг взглядом, что бы использовать как средство устрашения зловредного животного, и, конечно, нашла. Большая узловатая палка лежала и буквально взывала огреть ею строптивницу. По воле случая это был сук малоизвестного поющего дерева, которым не только можно было хорошенько поколотить кого-то, но и сама по себе часть плотоядного растения могла сильно искушать объект наказания.

Девушка в очередной раз поправила сбившуюся набок косынку и загадочно улыбнулась. То, что лекарь прописал. Хотя от такой улыбки на губах местной ведьмы бледнели даже медведи, коза оказалась животным не робкого десятка. Она решительно поднялась на ноги и выставила вперед длинные рога.

Голова деревни Хренодерки Панас Залесский нервно мерил шагами поляну перед избушкой Светлолики. Этим он занимался уже довольно давно, о чем свидетельствовала хорошо утоптанная добротными, подбитыми овчиной сапогами тропинка. До прихода на поляну Панаса тропинки здесь не было. Что же заставляло нервничать сурового голову Хренодерок? Ответ на этот вопрос если не лежал на поверхности, то, по крайней мере, на ней стоял и представлял собой целых пять представителей мужского пола на выбор привередливой ведьме.

Вихрастые и встрепанные молодые парни боязливо топтались на месте, шмыгали носами и все время пытались малодушно сбежать в сторону деревни. Только оглушительное «куда?!» головы водворяло несчастных отроков на место. Со стороны могло показаться, что ребят собирались принести в жертву. Собственно, так они и думали, но на самом деле Панас явился на поляну ни свет ни заря только для того, чтобы ведьма могла выбрать себе мужа. Давно пора. Девка явно заневестилась, да и сельчанкам оно поспокойней будет.

Деревенские бабы считали ведьму зело охочей до мужских ласк – оттого, мол, и обычай пошел таких женщин селить далеко за околицу. Ну и чтобы скот не портили, конечно. Сам же Панас был полностью согласен с необходимостью предоставить мужа Светлолике. С момента вступления ведьмы в возраст невесты в Хренодерках царило нездоровое оживление на брачной почве. Перепуганные перспективой стать мужем лесной отшельницы, парни срочно женились на всех незамужних особах женского пола, невзирая ни на внешность, ни на возраст. Поначалу голова не особо беспокоился на этот счет. Дело молодое, пусть женятся. Но когда шестнадцатилетний юнец повел под венец игриво хихикающую бабку Дорофею, причем молодому пришлось буквально держать суженую на руках, пока шокированный жрец совершал обряд, Панас понял: надо что-то делать.

Это понял и жрец Гонорий. Убеленный сединой и умудренный годами и опытом служитель Всевышнего после церемонии отозвал голову в сторонку и в двух словах объяснил, что следует делать:

– Замуж девку надо выдать, глядишь, и успокоятся все. Оно, конечно, на каждый роток не накинешь платок, но все равно народ уймется.

– Да кто ж на ней по собственной воле женится? – ахнул Панас. – Ведьма же!

Жрец тяжело вздохнул. Он хоть и был служителем Всевышнего, но к местным суевериям относился терпимо и ведьму анафеме тоже не предавал. Понимал, что до городских лекарей далеко и лечить народ будет попросту некому, а край суровый, нечисть пошаливает, да и болезней всяческих много. А ведьма худого никому не делала, если к ней не лезть; собирала травы, лечила людей и скотину, заговаривала погоду и огороды хоть на какой-то урожай, а то ведь, кроме хрена, не растет ничего.

– Вот и зря. Девка статная, и фигуру имеет, и на лицо приятная. Замужняя женщина никуда с обжитого места не денется, если мужа хорошо кормить, конечно, и иногда присылать ему бочку-другую пива. А там, глядишь, и детишки пойдут, скотинкой обзаведется, огородик посадит...

Голова решил. Мысль о том, что ведьма может вот так запросто найти себе ухажера где-то на стороне и в один прекрасный день взять и переехать вместе со всем своим немудреным скарбом, заставляла нутро могучего, как дуб, мужчины предательски сжиматься от нехорошего предчувствия. Как же они без ведьмы?

Парней он набирал сам. Из неженатых. Брал даже тех, кто уже сговорен. Ничего. Стерпится – слюбится. Невелика жертва на алтарь благополучия всей деревни. Уходили из села в сумерках. Матери надсадно выли, провожая своих любимых чад, как на войну, словно и не вернутся они уже из цепких лап молодой отшельницы. Мужчины сурово успокаивали жен и напутственно желали беречь честь смолodu. Всю дорогу голова зорко следил, чтобы никто не надумал задать деру, и теперь, когда процессия благополучно достигла старой рубленой избышки Светлолики, ее просто не оказалось дома. План рухнул. Отправляться домой несолоно хлебавши не хотелось. Отроков потом в жизни не соберешь: родители мигом отправят их к дальним родственникам по разным деревням.

Панас Залесский мог многое: лес рубить, на зверя охотиться, траву для скотины косить, дома ставить, подковы руками гнуть... а тут не знал, что делать.

В кустах раздался жуткий треск. Судя по звуку, кто-то большой и сильный ломился через колючий кустарник на поляну. Парни, часто ходившие на кабана и на медведя, завизжали, словно красны девицы, и бестолково заметались вокруг дома. «Хоть внутрь забежать не додумались...» – обреченно подумал голова. Ведьма никогда не запирала собственную избу; сложенная из особой породы местного дерева, она не просто не впускала чужаков и рычала, но могла и откусить что-нибудь по мелочи. Мужчина решительно потянул из ножен охотничий нож и приготовился к драке.

Кусты расступились и выпустили на поляну бешено вращавшую глазами козу. Оторпевший от неожиданности голова, ожидавший кого-то габаритами не меньше медведя или, на худой конец, кабана-секача, на секунду замаялся, дав несущемуся со скоростью боевого тарана животному боднуть его в самое уязвимое место. И коза использовала свой шанс по полной. Мужчина взвыл благим матом и принялся кататься по земле, баюкая пострадавшую часть тела. Окончательно деморализованные парни сначала рванули к избе, но та зарычала, и в дверных косяках показались пусть деревянные, зато острые на вид зубы. Отроки взвизгнули, парочка послабее закатила глаза и со стоном сползла на землю, забывшись в спасительном обмороке. Остальные бодрим табуном жеребцов-двухлеток промчались по спинам павших товарищей и резво поскакали в сторону Хренодерок, игнорируя кусты и частый подлесок.

– Куда?! – прохрипел Панас, но его не услышали.

За спинами удиравших во все лопатки парней образовалась неплохая просека. Теперь к ведьме можно было ездить хоть на телеге, хоть на карете с равным успехом. Сама виновница визита головы, Светлолика, с объемистой корзиной под мышкой, выехала на поляну, держась

за веревку, привязанную к шее козы, с видом бывалой горнолыжницы. Эффектно, при помощи длинной, плотоядно скалящейся палки затормозила рядом с поверженным мужчиной и мило поинтересовалась:

– О! Голова! А что ты тут делаешь? Стряслось чего или так, на огонек зашел? Только я пирогов не пекла. Зато могу козу подоить.

– Ме-э-э! – нагло возмутилась коза ведьминым произволом.

Но Светлолика, ничуть не смутившись, пригрозила строптивому животному палкой. Коза выпучила глаза еще больше, икнула и заткнулась.

– Благодарствую, я дома пил, – простонал голова, осторожно поднимаясь на четвереньки, и возблагодарил Всевышнего, когда ему это удалось.

– Ну, на нет и суда нет, – ничуть не обиделась девушка. – А я, пожалуй, пойду печку затоплю и позавтракаю. Ну, прощай, голова.

Ведьма отправилась было к дому, укрощенная коза понуро поплелась следом. Но тут хозяйка вспомнила что-то и остановилась так резко, что не успевшее среагировать животное с размаху приложилось рогами о ее ногу и застыло в ужасе.

– Но-но! Не балуй! – Лика в очередной раз пригрозила козе палкой, другой рукой потирая уши. – А ты, голова, не в службу, а в дружбу пришли мне парочку ребят. Пусть мне сарайчик сладят и загончик там какой соорудят. А то, видишь, скотиной обзавожусь помаленьку. Ну не в доме же ее держать.

– Да я того... уже. – Панас с трудом воздел себя на ноги, но разогнуться во весь богатырский рост не спешил.

Правильно. В таком деликатном деле рисковать нельзя. Мало ли что...

Ведьма опустила глаза и узрела пару раскинувшихся на траве парней.

– Эти, что ли? Квелье они какие-то. Других не нашлось? – с сомнением протянула она, поигрывая в руке палкой. Деревяшка оскалилась. Светлолика улыбнулась. – Ну да ладно. К дареному коню седла не просят... Сейчас мы их взбодрим.

Скорее всего, отроки только притворялись мертвыми, рассчитывая, что в таком неприглядном виде ведьма на них не позарится, а может, просто старались не привлекать к себе излишнего внимания, но при последних словах Светлолики они восстали и заверещали благим матом:

– А-а-а! Не губи нас! У нас жены и дети малые!

Пока Лика недоуменно взирала на истерику двух молодых парней, которые явно считали работу на ведьму равноценной самоубийству, голова нашел в себе силы разогнуться и в сердцах сплюнул в пожухлую траву:

– Да кому вы нужны, убивать вас, козлы малахольные! От женитьбы на ведьме еще никто не умирал. Как сыр в масле кататься будете. Корову дадим, лошадь... может быть, потом... На время. – И заткнулся, узрев серьезное выражение лица молодки.

«Все. Проклиная будет», – обреченно вздохнул он, и сердце, предательски дрогнув, ухнуло куда-то в район сапог и замерло, чтобы никто не догадался о малодушном маневре.

– Я не поняла. А кто тут на ком женится? – с расстановкой произнесла ведьма, многозначительно опираясь на палку.

Успокоившаяся было коза, почувствовав настроение новой хозяйки, прищурила желтые глаза и издала воинственное:

– Ме-э-э!

Почувствовав робкую надежду избежать ужасной участи, выюноши, торопливо перебивая друг друга, взхлеб поведали о горькой судьбине парней в деревне Хренодерки и о злобном, коварном замысле головы отдать самый цвет хренодерских парней на растерзание любвеобильной ведьме. И это несмотря на то, что у каждого из отроков, назначенных жестоким деспотом пожертвовать свою молодость на благо деревни, уже имелась невеста готовая и сгово-

ренная, с каковой они уж и под венец было собрались, да разлучили их жестокие люди, черствые к чужому счастью. По всему выходило, что отроков обманом и чудовищным шантажом увели практически из-под венца. К концу душещипательного повествования на поляне рыдала оказавшаяся сентиментальной изба, горестно бляла коза, вспомнившая статного соседского козла, и в кустах кто-то с чувством сморкался в хвост и чихал от лезшей в нос шерсти.

Светлолика задумчиво разглядывала стоявших перед ней парней. Нет, замуж ей не хотелось. Не то чтобы вообще, но в данный момент точно, а уж за этих парней тем более. В глубине души она даже была благодарна несговорчивым ребятам за избавление от неприятного разговора с Панасом. С другой стороны, было до кончиков золотистых волос обидно, что местные парни предпочтут остаться один на один с разъяренным головой, лишь бы не жениться на ней. И чем она плоха? Статная, крепкая, может не одну версту по лесу отмахать и не запыхаться, волосы густые и блестящие (не один котел ромашкового настоя вылит на локоны), где надо выпукло (есть на что глаз положить), талия тонкая, стан гибкий. И на лицо далеко не уродина. И чего им, парням, надо? Чем дольше она смотрела на парней, тем мучительней, до нестерпимого зуда в пудовых кулаках хотелось голове придушить не в меру разговорчивых ребят, и тем бледнее становились смекнувшие, чем пахнет затянувшееся молчание, отроки.

– Хорошо, – улыбнулась девушка, но сверкнувшая белозубая улыбка не затронула светло-серых, с зелеными искорками глаз, и парни принялись стремительно зеленеть, силясь слиться с окружающим ландшафтом. – Будь по-вашему. Насильно никого под венец тащить не стану, но за это поставите мне сарай. И не какой-нибудь, а из бревен, чтобы даже медведь не залез. И загон тоже сделаете. Да еще принесете с десятков кур.

Сказав это, ведьма резко развернулась, аж взметнулась вокруг ног коричневая шерстяная юбка, и исчезла в доме вместе с козой, только дверь хлопнула. Оставшиеся на поляне дружно, словно неделю репетировали, почесали затылки и тяжело вздохнули. Отроки думали, где им взять кур. И нужно ли к этим курам нести петуха? Да еще и работать заставляет врагиня... Это мыслимое ли дело – вдвоем сарай рубить? Может, не поздно еще попытать свое жениховское счастье, а надворные постройки пусть возводят те, кто сбежать успел. Ведь как ни крути, женихаться вместе шли, только вот расхлебывать почему-то вдвоем придется. Панас же думал, как вернется в деревню с неудачей. Все Хренодерки перебаламутил, а ничего не вышло. По мере дум своих невеселых голова все больше мрачнел, и заметившие это парни благоразумно сделали несколько шагов в сторону, чтобы длинные руки Панаса их не достали, а то славился голова своим ударом. Бывалые люди говорили, что голова ударит, что горячий жеребец лягнет, а они зря болтать не станут.

Резко распахнулись крепкие ставни избы. Растрепанная ведьма, успевшая снять свой платок, высунулась в открытое окно по пояс.

– Эй, голова! Хорошо, что не ушел. Подойди, что скажу.

Голова скосил глаз в сторону парней и предупредил как можно грознее:

– Стоять здесь!

– А я еще никуда не уйду, – ехидно фыркнула девушка. – Не волнуйся, подожду.

– Да я это... того... не тебе, короче.

Панас глубоко вздохнул. Здоровенный мужчина, косая сажень в плечах, и то иногда робел перед серьезным взглядом молодой ведьмы. Но ничего не поделаешь, подойти пришлось. Только он сделал пару шагов, послышался дробный топот крепких ног – это парни дружно рванули в сторону Хренодерок, пока голова отвлекся. «Вот ведь стервецы! – хмыкнул он про себя. – Ничего, успею потом им разъяснить, как следует выполнять приказы старших».

Светлолика слово сдержала: так и стояла себе, высунувшись из окна, когда голова подошел ближе. За спиной девушки задумчивая коза важно жевала кусок белой камчатой скатерти.

– Скажи мне, Панас, – молвила Лика, постукивая длинными пальцами по деревянному подоконнику, – когда ты мне котенка принесешь? Полгода уж завтраками кормишь, а ведь обедать уже пора.

Голова запустил руку в буйную шевелюру с такой силой, словно собрался выдернуть собственный скальп и щедро предложить его как замену животного. Оно и правда, как объяснить несостоявшейся невесте, что темные хренодерские бабы упорно топят черных котят, лишь бы они не доставались ведьме для черных дел, и грозно обещают отходить коромыслом любого, кто попробует им помешать в этом благородном деле. Панас просил, умолял, угрожал, но дождался только под нос кукиша от разъяренных хозяек. Связываться с ними было себе дороже, но и перед ведьмой оправдаться как-нибудь надо. Проклянет ведь, как есть проклянет.

– Так ведь оно... того... – чувствуя себя нашкодившим подпаском, залепетал он, шаркая по пожухлой траве ногой.

Глаза Светлолики стали еще внимательнее и такие добрые, что у мужчины противно засосало под ложечкой. Стараясь избегать этих серых, с разгорающимися в них зелеными искорками глаз, Панас судорожно вздохнул и продолжил:

– Так ведь нет у нас котят. Кошки не котятся что-то...

– Не котятся кошки? – недоверчиво фыркнула ведьма. – Ну, это напасть всем напастям напасть... Вот скажи мне, голова: что ж ты за голова такой, коль ни жениха путного найти, ни котенка принести не можешь? Уйду я от вас. Видит Всевышний, уйду.

– Да куда же ты от нас, госпожа ведьма? – испуганно воззрился на нее Панас и чуть было не перекрестился, но передумал.

Так и замер с вытаращенными от удивления глазами и занесенной для крестного знаменья рукой.

– Так хоть в Гнилушки или Репицы. И кошки у них там регулярно плодятся, и избушку наверняка лучше справят, да и козу опять-таки мне не вы подарили.

– Так как же это! – всплеснул руками Панас и неловко угодил себе по лбу.

– А вот так! – гордо подбоченилась Светлолика и с размаху захлопнула ставни, чуть не защемив пальцы мужчины и оставив последнего в неописуемом изумлении взирать на закрытое окно.

В полном обалдении голова некоторое время еще скребся в деревянные створки, но ему не открыли. А будет знать, как выводить из себя ведьму. Панас тяжело вздохнул. Светлолика, как всякая уважающая себя ведьма, характер имела вздорный и обещала покинуть насиженное место с периодичностью раз в неделю. Конечный пункт назначения каждый раз менялся; это могла быть как любая окрестная деревня, так и столица вообще любого государства. Как варианты – просьба политического убежища у эльфов или долгие странствия босой по стране в поисках новых рецептов и трав. Но каждый раз голова готов был рвать на себе волосы от отчаяния. Вдруг и правда уйдет? Жена без мужа, как корова без привязи – где лучше пастбище, туда и подастся. Панас еще раз тяжело вздохнул, стукнул в закрытые ставни (скорее для проформы, чем действительно рассчитывая на то, что откроют), укоризненно посмотрел на избушку, будто та во всем была виновата, и, ссутулившись, побрел по новой просеке.

Только он покинул поляну, как на нее, поскрипывая деревянными конечностями, вышел леший. Погрозил сучковатой рукой в сторону Хренодерок, затопал злобно.

– Ишь, пришли! Расшумелись! Лес повалили! Так никаких деревьев не напасешься. Ну, погодите у меня. Придете ко мне по ягоды. Уж я-то вас...

Ставни избушки с грохотом распахнулись, и из окна вновь выглянула Светлолика.

– Здравствуйте, Вяз Дубрович! – вежливо поздоровалась она.

– И тебе не хворать, – скрипуче откликнулся леший.

– Что же вы так шумите? Кто вас разгневал?

– Дак ходют тут по лесу разные, ветки ломают, костры жгут где ни попадя. А теперь вот – цельную просеку выломали, ироды. Ну, ничего, найдется и на этих супостатов управа.

– Не переживайте вы так, Вяз Дубрович. Там все равно много сушняка было, да и мне на следующую зиму дрова запасть не надо будет. А на этом месте мы с вами липы посадим, и будет у нас липовый мед. Я, знаете, страсть как чай люблю с липовым медом. И на блины тоже хорошо намазывать. – Ведьма мечтательно закатила глаза и облизнулась. – А давайте я вас чаем напою. У меня дивный травяной сбор есть с сушеной земляникой. Свежий. Только что заварила. А еще пирог с клюквой.

Леший чуть не зацвел от удовольствия. На верхних веточках даже образовались почки, но потом он вспомнил, что цветы еще как бы не ко времени, и набухшие было почки исчезли. Он пальцем поманил к себе пенек. Тот отряхнул корни от земли, шустро, словно паук, подбежал к лешему. Вяз Дубрович указал пню, где ему будет удобней присесть, чтобы и чай до рта донести, не расплескав, и с ведьмой можно было говорить, не крича на весь лес. Пенек оказался толковый. Быстро встал на предложенное место и даже пустил корни для устойчивости. Вяз Дубрович удовлетворенно крикнул и опустился на импровизированный табурет.

Жрец Хренодерок Гонорий стоял на опушке леса, опираясь на дорожный посох. Прохладный весенний ветерок игриво трепал полы черной сутаны, забирался под стеганую кацавейку и охлаждал старческое тело. В правой руке он держал большой холщовый мешок. Эта зима тяжело далась жрецу: часто болели суставы, тяжело прихватывало спину, кололо в боку, и отстаивать на ногах всю службу становилось все труднее. Если бы не настойки Светлолики, ему пришлось бы еще хуже. Гонорий разменял уже восьмой десяток, и в душе был готов уйти за порог, но знал о том, что некому передать старый, покосившийся храм, маленькую библиотеку, да и оставлять своих прихожан в сложные времена не хотелось. Вот и поднялся жрец сегодня с думами о своей пастве, отстоял утреннюю службу, а теперь ждал Панаса, чтобы узнать подробности неудачного сватовства. О том, что поход головы не удался, свидетельствовал дружный побег женихов, резвым табуном промчавшихся мимо. Чуть не сбили старика с ног.

Панас понуро брел в сторону деревни и заметил тихо стоящего жреца только после того, как тот поздоровался.

– И ты здравствуй, – поклонился голова, хотел снять шапку, но вспомнил, что забыл ее дома, и просто пригладил растрепанные волосы пятерней.

Впрочем, прическу это не спасло.

– Ну, как оно прошло? – поинтересовался Гонорий, перехватывая половчее мешок.

«И этот куда-то собрался, – закручинился Панас, тоскливо оглядывая ношу старика. – Ну что за день сегодня такой?»

– Никак, – покачал головой он. – Парни сбежали, ведьма в ярости.

– Понятно, – тяжело вздохнул старец.

– Еще она сказала, что я никудышный голова, вот. Раз не в состоянии ни кота ей найти, ни женихом обеспечить. Вот вздорная баба!

– Вздорная? Ну да. Конечно... – эхом отозвался жрец, а сам невольно вспомнил другую ведьму – огненно-рыжую, с зелеными изумрудами глаз Льессу.

Мать Светлолики была сильной ведьмой. Может, со столичными ей не сравниться в уменье, только не всякая столичная выживет в лесу, когда зима грозит завалить снегом избу до самой крыши, а осмелевшая за длинные ночи нечисть протяжно воет у порога, скребется когтями в двери, хнычет, царапая крышу. Прекрасная Льесса, чья огненная грива волос, практически не поддающаяся никакому гребню, спускалась до волнующих бедер, а изумрудному цвету глаз могли позавидовать самые лучшие драгоценные камни из Шаарских рудников, пять лет назад остановила Поветрие, выкосившее своей ржавой косой несколько окрестных селений, где до сих пор не рискуют селиться люди, зато расплодилось нежить. Рыжая ведьма отсто-

яла Хренодерки, но цена была высока. Она сгорела за неделю, умирала в страшных мучениях в маленьком сарайчике за околицей деревни. Только старый жрец не покинул отчаянно цепляющуюся за жизнь молодую женщину. Он обтирал влажной тряпкой пот и сукровицу с покрытого волдырями лба, смачивал потрескавшиеся от нестерпимого жара губы, поил целебными отварами, в составлении которых далеко не так был силен, как умирающая.

Сельчане боялись Поветрия. Умереть в таких муках не хотел никто. Только самые отважные носили небогатые подношения к старому сараю. По утрам жрец Гонорий обнаруживал молоко, сало, крупу и овощи в достаточном количестве, чтобы прокормить умирающую и ухаживающего за ней жреца. Страшно было сидеть и смотреть, как западают щеки, как гаснет свет в изумрудных глазах, чувствовать гнилостное дыхание смерти, но Гонорий в минуты своей слабости читал молитвы Всевышнему. Он молился за деревню, за умирающую ведьму, за ее одиннадцатилетнюю дочь, а еще просил смирения и терпения, чтобы с честью выдержать ниспосланное небесами испытание и облегчить уход измученной женщины. Иногда ему казалось, что губы умирающей беззвучно вторят его словам, и тогда он молился еще истовей, думая, что ведьма, отдавшая свою жизнь за жителей Хренодерок, шепчущая молитвы растрескавшимися губами, не может быть злом.

После смерти Льессы сарайчик сожгли вместе с трупом почившей в нем ведьмы. Пепел собрали и похоронили за оградой местного кладбища. Пусть ведьма умерла, спасая человеческие жизни, но нарушить обычай хоронить их род за пределами погоста не решились. На похороны пришло все село, не пустили только Светлолику. Боялись, как бы маленькая ведьма не подхватила заразу и не оставила деревню без последней защиты.

– Вот! – Гонорий сунул в руки оторопевшего Панаса холщовый мешок. – Пойди и отдай Светлолике.

Голова усталая на мешок, как еж на кактус; он даже легонько потряс предмет с непонятным содержимым, словно надеялся, что внутри что-то загремит или как-то по-другому проявит себя. Предчувствия его не обманули. В мешке что-то завозилось, заерзало, зашипело, зарычало, завывало по-звериному. Страшно! Панас чуть не выронил мешок, помог жрец, проявивший чудеса ловкости, не свойственной людям его возраста. Он цепко перехватил мешок и, теряя терпение, рявкнул:

– Осторожно! Знаешь, сколько он стоит?!

«Неужели мешковина подорожала? – удивился Панас. – Ну надо же. Наверное, нужен был в прошлое воскресенье в Репицах мешков прикупить. Эх, кабы знать!»

Мешки в Репицах делали самые крепкие, хоть лошадь запикивай, если правильно утрамбовать, мешок выдержит. Главное, чтобы сама скотина пролезла. Панас поблагодарил Гонория за науку, поцеловал перстень на старческой руке и отправился к ведьме.

«Интересно, что там может так возиться? Может, курица? – думал он дорогой. – Нет. Курица так орать не станет...»

Панас с любопытством покосился на мешок. А ну как жрец решил подшутить над ведьмой? Ведьмы со жрецами обычно не ладят. Это всем известно, у кого хочешь спроси. Да нет, не станет Гонорий заниматься такими делами. Не по сану ему, да и прислужница его Марыська всю зиму бегала к Светлолике за настойками и притираниями для старца. С другой стороны, жрец ведь не сам тащит свое подношение, он благополучно сбавил его голове. А почему же тогда сам не отнес, коли подарок стоящий? Боялся, не примет? Да нешто ведьма когда отказывалась от хорошей вещи? И скотинке наверняка обрадуется, вон даже козу притащила, кур велела принести и сарайчик сладить. А ведь и женить ведьму Гонорий присоветовал. Точно. Теперь Светлолика будет злиться на все Хренодерки, может, даже исполнит старую угрозу и совсем уйдет в другое село. Кто ж ее, ведьму, остановить сможет? А сам жрец ни при чем останется. О его участии, кроме Панаса, никто не знает.

Придя к такому выводу, голова остановился как вкопанный, не дойдя до поляны, где проживала Светлолика, буквально десять шагов. Уставился на злополучный мешок, как на ловушку с капканом. Он потряс мешок еще раз. Внутри снова завопили. Что-то явно живое и очень опасное принялось драть мешковину изнутри.

– Да что же это? – чуть не сел на землю Панас.

За свою жизнь он повидал много зверья, встречалась и нежить, но тут мужчина слегка стухнул, и его колени ощутимо задрожали. Голова собрал остатки быстро покидающего его мужества в кулак и смело сунул могучую руку в упаковку подарка. Вытряхивать побоялся. Вдруг убежит? Жрец сказал, что мешок дорого стоит, может, и его содержимое недешево? Глупо будет потерять его из-за простого испуга. Руку пронзила острая боль. Тот, кто сидел внутри, вцепился в беззащитную длань не менее чем сотней когтей и вгрызся двумя сотнями зубов. Панас взвыл и попытался стряхнуть агрессивное существо, но тщетно. Тот, кто сидел внутри, зарычал и удвоил усилия. Мужчина взревел, как раненый медведь, и инстинктивно помчался в сторону избушки ведьмы. Тут уж не до выяснений, кто сидит в мешке, хорош подарок или плох, а вручить придется. Возможно, вместе с рукой. А что делать?

Светлолика, которая спокойно чаевничала с Вязом Дубровичем, с удивлением наблюдала, как на поляну, словно ошпаренный кипятком, выскочил голова. Страшно выпучивший глаза мужчина галопом промчался к окну, изрядно оттоптав при этом ноги лешему, и сунул молодой ведьме грозно завывающий мешок, почему-то надетый на руку.

– Вот. Это тебе. Подарок, – морщась, как от зубной боли, возвестил он, не обращая на возмущенного лешего никакого внимания, словно его там и не было.

Зря Вяз Дубрович колотил наглеца руками-ветками. Без толку.

Светлолика скосила глаза на шевелящийся подарок и скромно потупилась:

– Это мне? Право, не стоило. И что там?

– Сюрприз, – выдавил Панас, готовый разрыдаться от боли.

Нет. Он не доставит этой пигалице такого удовольствия. Хватит с него утреннего унижения с неудавшимся сватовством. Девушка с видом фокусника, показывающего коронный номер своей звездной программы, сдернула с руки Панаса мешок... и радостно взвизгнула и подпрыгнула на месте, увидев, как здоровенный, черный, без единого белого волоска кошак самозабвенно дерет Панасову руку, яростно рыча при этом. Пушистая длинная шерсть кота воинственно топорщилась, отчего он сильно напоминал шар с метелкой для сметания пыли вместо хвоста.

– Ой! Котик! – возрадовалась ведьма, пританцовывая на месте. – Надо же! Счастье-то какое!

Мужчина радости девушки не разделял. Невероятным усилием воли он согнал навернувшиеся было слезы.

– Тогда бери свое счастье скорей! А то оно мне уже всю руку изуродовало.

Девушка охнула и попробовала забрать кота. Но зверь вовсе не желал расстаться с добычей просто так и уступил настойчивым увещаниям ведьмы, только когда в ее руках появилась внушительная миска свежей сметаны. Черный смиловился, царапнул когтями истерзанную руку в последний раз и принялся лакать предложенное лакомство с таким видом, словно делал всем громадное одолжение. Впрочем, для головы так оно и было. От облегчения Панас сел... на колени к лешему. Тот впал в ступор от неожиданности и только изредка моргал выпученными глазами. Светлолика нежно гладила черного зверя, уплетавшего сметану, и ласково приговаривала:

– Какой хороший котик! Славный крысолов будет!

Панас посмотрел на воркующую Лику и с грустью подумал, что если бы его жена Параскева так же ворковала с ним и кормила, то детей у них было бы не трое, а гора-а-аздо больше. Наглый кошак заботы и нежности не оценил; заслышав про крыс, зверь поперхнулся угоще-

нием и явил присутствующим дар человеческой речи. То есть сначала он прокашлялся, ведьме даже пришлось похлопать черного по спинке. Затем кот встал на задние лапы, чем вогнал окружающих в полное остоление, подбодчился и заявил:

– Это я крыс, что ли, должен ловить? А это вы видели? – Для наглядности кот попытался было сложить композицию из трех пальцев, что ему в силу анатомических особенностей не удалось, тогда он просто погрозил всем кулаком. Вышло неубедительно. Если сравнивать с кулаком головы (пусть и подранным котом), сравнение будет явно не в пользу пушистого зверя. – Я не для этого создан. Если я вам понадобился только для ловли мышей, то увольте меня с такой должности. И никакой сметаной не удержите, вот.

– Он говорящий! – восхитилась Светлолика.

– Он говорящий! – обомлел Панас, упал на колени и тихо пополз прочь, прихрамывая на покалеченную руку.

– Надо же. Говорящий, – хмыкнул леший. – Как-то я слышал о таких. Хм... Только не помню где... Слушай, Лика. Да ну их к русалкам, этих крыс. Ну, хочешь, я тебе сам помогу их прогнать? Или травок каких дам, а?

Светлолика задумчиво проводила взглядом шустро уползавшего на карачках голову. Надо же, какое дарование...

– Не надо мне никаких трав. У меня амулет против крыс есть, – отмахнулась она от лешего. – Это я просто к слову сказала, хватка у котика больно хорошая. Думала, он не прочь будет поохотиться как-нибудь на досуге. Ну, нет так нет. Лучше давайте ему имя придумаем.

– В этом нет необходимости, – уже более милостиво муркнул кот, смекнувший, что насильно заставлять охотиться на грызунов никто не станет. – У меня уже есть имя. Мне его родители дали. Дорофей Тимофеевич.

– Отчего ж вы перестали кушать сметанку, Дорофей Тимофеевич? – Ведьма ласково почесала кошаку подбородок, тот закатил голубые глаза и застыл, ласково урча. – Сметанка диво как хороша. В Гнилушках всегда такую хорошую сметанку делают, просто чудо.

Жрец Хренодерок Гонорий стоял там же, где его оставил голова, – на опушке леса. Все так же опирался он на дорожный посох, все так же весенний ветерок охлаждал старческое тело, забираясь под стеганую кацавейку, и трепал полы черной сутаны. Вынырнувший из-за деревьев Панас не заметил жреца. Быстро перебирая конечностям и заметно припадая на левую руку, он прополз к задумчиво наблюдавшему за ним жрецу и больно боднул старика в живот. Гонорий охнул и сложился пополам. Панас подпрыгнул от неожиданности, сделал в воздухе какой-то невообразимый кульбит, приземлился на копчик и тоже охнул.

– О, ваша светлость! А что вы здесь делаете? – задал неуместный вопрос голова, поднимаясь на ноги и потирая ушибленную часть тела.

Причем сначала он сделал это расцарапанной рукой, ойкнул и принялся баюкать еще и руку.

– Станный вопрос. Что я здесь делаю? – прохрипел жрец. – Пытаюсь распрямиться. Вот что.

– Вы уж извините меня. Я ж того... Не нарочно.

– Еще бы ты нарочно, – хмыкнул Гонорий.

– Может, помочь?

– Нет, спасибо, я уж как-нибудь сам. Еще сломаешь чего-нибудь. Вон ручищи-то, как у медведя.

Жрец с ахами и охами принял вертикальное положение, тяжело оперся на посох, пригладил растрепавшиеся волосы и нетерпеливо уставился на Панаса:

– Ну? Как оно все прошло?

– Да вроде ничего.

– Ничего хорошего? Кот не понравился, что ли? – удивился старец.

Зверь достался жрецу по счастливому случаю. Хренодерки никогда не были особо богатым приходом. Да что греха таить, бедный приход достался жрецу. Жертвовали преимущественно еду, денег сельчане зачастую и сами не видели. Но Гонорий никогда не был особенно привередлив в еде, требователен к одежде, да и семьи у жреца не было. Родители его умерли, оставив небольшое наследство, которое он в свое время пожертвовал на нужды храма, когда пришел проситься в жрецы. Подобные же коты из-за своей редкости стоили на вес золота. Причем для расплаты взвешивался не сам зверь, а лошадь, на которой его привезли. Поэтому счастливые обладатели животного, задумав его продать, арендовали самую крупную лошадь, какую только могли найти.

Разумеется, Гонорий не мог найти столько золота, чтобы приобрести зверя для Светлолики. Просто вчера его позвали в Репицы, где потребовалось совершить изгнание злого духа из дома. Конечно, сельчане позвали бы Светлолику, но она как раз ушла принимать роды в Гнилушки. Своего жреца в Репицах не было. То есть до недавнего времени он был, просто в прошлом месяце ушел бедолага в лес, да так и сгинул в нем. Предупреждал же Гонорий молодого Сорокия, что в здешнем лесу и нежить пошаливает, и хищники тоже не беззубые обитают. Зверье, оно же темное, необразованное, им что простого человека задрать, что жреца – разницы никакой. Только простой человек без рогатины в лес редко ходит, а вот жрец – запросто.

Злой дух, как и полагается, злобно завывал, грозил хозяевам карами небесными, селу мором и голодом и требовал немедленной жертвы в виде жареной курицы и сметаны.

Гонорий слегка удивился подобному требованию. Обычно духам нужно что-то кровавое, так как в момент убийства высвобождается некоторое количество энергии, которой дух может питаться. Поэтому жрец осторожно выманил «злого духа» обещанным пожертвованием, щедро сдобренным снотворным зельем, которое ему посылала Светлолика от бессонницы. Вылезший из-за печки кот с удовольствием полакомился курицей и уснул. Старец запихнул зверя в мешок, прекрасно зная, что ведьма уже несколько месяцев просит черного котенка, а Панас даже не чешется. Хозяевам сказал, что дух изгнан. Живите, мол, спокойно. Зло вас больше не побеспокоит.

– Не, кот ей понравился, – успокоил жреца Панас.

– Так почему же у тебя вся рука расцарапана? – начал терять терпение Гонорий.

– Ах, это... Да все кот. Не знаю, где ты его взял, но зверюга просто монстр какой-то. А когти... – От переизбытка чувств голова даже глаза закатил, а размер когтей у кота, судя по размаху рук Панаса, был больше, чем коза ведьмы.

– Хорошо хоть кот понравился, – облегченно вздохнул жрец и зашагал в сторону Хренодерок.

Панас тут же догнал Гонория и приноровился к шаркающему старческому шагу.

– Знаешь, жрец... Раз кот ведьму устроил, может, и жениха ты ей найдешь? А то у меня как-то того... не очень с этим получается.

Гонорий тяжело вздохнул. Ну, так он и знал. Помогите сельчанам в одном, тут же норовят спихнуть на тебя все насущные проблемы, раз уж у тебя так ловко получается их разрешать. И как тут быть? Не поможешь – сами такую кашу заварят, никаким маслом не исправишь.

– Ладно. Попробую, – кивнул он.

– Вот и славно, – расплылся в улыбке Панас. – Я знал, что на тебя можно рассчитывать.

Глава 2

Над островом Беримор пронесся незнакомый тревожный звук, заставивший местных обитателей испуганно вздрогнуть в своих норах. Солнце уже высоко стояло над горизонтом, и его палящие лучи успели вытопить из «слез вампира» достаточно тумана, чтобы покрыть все низины. Жадные щупальца ядовитых паров уже выползали из низменностей, цеплялись за стволы, нежно гладили нижние ветки кустарников. Звук пронесся над островом еще раз. Но местные обитатели уже убедились, что он не несет лично для них никакой опасности, а вот если выбраться наружу, ядовитый туман убьет всех, до кого сможет дотянуться.

Источником странного звука был замок-тюрьма Сартакль. Вернее, одна из его башен, где находился набатный колокол. Именно в этот колокол исступленно звонил перепуганный до полусмерти стражник. И немудрено. Колокол устанавливали просто на всякий случай, вовсе не рассчитывая, что им придется воспользоваться. Считалось, что из этой тюрьмы сбежать невозможно. И тем не менее сегодня впервые за тысячелетнюю историю тюрьмы одному из узников удалось совершить побег.

Неждан в сопровождении капитана тюремной стражи Рамидала и пяти охранников, грозно бряцавших своими доспехами, торопливо спускался на нижний уровень вверенной ему тюрьмы. Там содержались только самые опасные из самых опасных узников. Этаж издавна пользовался дурной славой, причем вполне заслуженно, и даже опытные стражники никогда не патрулировали его поодиночке. Тех же, кто проигнорировал это простое правило, почти всегда находили мертвыми, с перекошенными от ужаса лицами, вырванными глотками или синюшными отпечатками на свернутой шее. Впрочем, были еще двое, кто не разделил печальную участь своих сослуживцев, а просто сошли с ума. Они сначала пытались выкрасть медальон начальника тюрьмы, которым можно было открыть почти любую камеру, когда же сумасшедшие потерпели поражение, то попытались убить всех, до кого смогли дотянуться. Безумцев пришлось убить, а их тела отправили на изучение магам в столицу. Говорят, что тела разложились еще по дороге, и магам для исследования ничего не осталось, но этого никто не знал наверняка.

На нижнем уровне, который в Сартакле располагался под землей и потому не имел даже жалких подобий окон, почти полностью отсутствовало освещение. На факелах экономили. Самим узникам свет был без надобности, а стража брала себе факел у входа на этаж.

Когда Неждан с сопровождением подошел к двери, ведущей на нижний уровень, капитан зазвенел ключами и услужливо отпер дверь, два стражника взяли в руки по факелу. Начальник тюрьмы в свете не нуждался, он и ночью видел так же хорошо, как и днем, но останавливать людей не стал. Являясь обычными людьми, они таким преимуществом не обладали. Да и наличие пусть маленького огонька их успокаивало. Хотя Неждан никак не мог объяснить это явление; ведь когда ты несешь с собой единственный источник света, то видишь лишь до его границы, а темнота для тебя непроницаема, и тот, кто там прячется, видит тебя гораздо лучше, чем ты его.

Темнота. На нижнем уровне это была именно *темнота*. Она ощущалась как нечто живое и абсолютно враждебное. Пропуская внутрь, словно отрезала от всего остального мира, окуная в непроглядный мрак, полный шорохов, тихих вздохов, произнесенных обещаний.

– Они пришли... – выдохнуло подземелье, заставив практически всех стражников вздрогнуть.

Только капитан мужественно сдержался и крепко стиснул рукоять меча. Рамидалу даже не надо было оглядываться, чтобы понять: стража с трудом сдерживается, чтобы не пуститься бежать по коридору. Неждан поморщился, досадуя, что свет мешает зрению адаптироваться в темноте. Он прекрасно понимал, что ничто на этом свете не заставит охрану погасить факелы.

– Да, мы пришли! – громко провозгласил Неждан. – Не понимаю, чему вы радуетесь?

Его голос гулким эхом пролетел по коридору, ударился о двери закрытых камер и затих где-то в темноте. Казалось, тьма ощутимо вздохнула, принимая в себя этот звук. Некоторое время она смаковала его, как гурман новое блюдо, а затем прошелестела:

– Он ушел...

Это емкое «он ушел» нервной дрожью прошло по коже стражников. Кто-то не выдержал, вскрикнул, бросил факел, и drobный стук вперемешку с лязгом доспехов обозначил его побег. Факел тут же погас, и в подземелье стало еще темнее.

– Куда?! – рявкнул капитан, но беглеца было уже не остановить. А те, кто остался на месте, явно жалели, что светлая мысль о побеге не пришла в их головы. – Ладно. После разбе-ремся. – Рамидал обвел оставшихся парней тяжелым взглядом и многозначительно заявил: – Здесь для всех дорога одна: вперед за своим командиром. Кто дрогнет и побежит, будет живьем заперт в камере со здешним узником... наедине.

Угроза сразу возымела действие. Еще два стражника вышли из строя, рухнув в обмороке прямо к ногам капитана. Оставшиеся двое готовы были обнять своего командира, лишь бы он, не дай всевышний, не подумал, что они дрогнули и отступили.

– Капитан, я очень ценю тебя как полководца, и вообще... – Неждан сделал неопределен-ный жест рукой, оставив Рамидалу возможность самому домыслить, что конкретно это самое «вообще» означает. – Но только ты бы с подчиненными поосторожней, что ли. А то даже факел поддержать некому будет. Кстати, зажгите кто-нибудь факел.

Видя, что перепуганные до полусмерти стражники не спешат выполнять приказ, Рамидал оторвал от себя цепкие руки подчиненных, быстро подобрал погасший факел, вынул из рук сомлевшего стража чудом оставшийся гореть и запалил один от другого.

– А с этими что делать? – спросил капитан.

Начальник смерил поверженных подчиненных таким взглядом, словно всерьез решил скормить их бронзовому дракону, когда тот прилетит, но сомневался, пролежат ли стражники так долго в беспамятстве. Оставшиеся на ногах стражники незаметно шагнули за спину Рами-дала. Мало ли что.

– Давай просто прислоним их к стенке и заберем на обратном пути, – предложил Неждан.

– А ничего с ними не случится?

– Да что с ними может случиться? Камеры заперты не только на засов, но и магически. Нам пора.

– Зачем так спешить?.. – тихо спросила тьма. – Зачем торопиться? Птичка уже упорх-нула из клетки.

Глаза Неждана вспыхнули гневом.

– А вам до этого какое дело?! – крикнул он в темноту. – Вы же остались.

– Это пока... – вкрадчиво прошелестела тьма, оставляя у начальника тюрьмы стойкое ощущение жуткой улыбки-оскала. – Он вернется за нами... Он вернется...

Неждан похолодел от ужаса. Внутренности сжались в холодный ком и ухнули куда-то вниз. Стараясь не поддаваться нарастающей панике, он криво усмехнулся и кинул в темноту:

– Можете мечтать сколько угодно, но никто за вами не вернется! Вы здесь были до моего рождения и будете здесь, когда я уже шагну за порог. Беглеца убьет туман или жуткие твари в лесу и Ведьмином озере. Вы же останетесь здесь навечно!

Тьма яростно вздохнула:

– Чего же ты здесь делаешь? Почему так нервничаешь? Если нам суждено быть здесь до конца своих дней, почему вы нас боитесь? Жалкие людишки, возомнившие, что покорили нас...

Жуткий смех прокатился по подземелью, заставив кожу покрыться мурашками. Каза-лось, нечто в темноте только и ждет, чтобы отчаянные смельчаки шагнули внутрь и накормили

своей плотью страшное чудище. Стражники в ужасе рухнули на колени и попытались отползти в сторону двери, но встретили яростный взгляд своего капитана и передумали. Как они умудрялись держать в таком положении факелы – загадка.

– Пойдем. Нам еще по кристаллу с магами связываться, – бросил Неждан и решительно зашагал по коридору, словно ему было все равно, последуют за ним люди или нет.

Но они последовали. Длинный узкий коридор – двое с трудом разойдутся, не задев друг друга, – вдоль которого располагались окованные железными листами камеры за зарешеченными окошками. Засовы на дверях выглядели так, словно их не открывали столетие. Если бы среди стражи присутствовал маг, он бы увидел, как поверх дверей раскинулись сетки охраняющих заклятий. Но магов среди присутствующих не было. Только Неждан обладал достаточным чутьем, чтобы ощущать присутствие магии.

Начальник тюрьмы вышагивал, четко печатая шаг, с таким видом, словно верил, что может заставить содрогнуться крепость просто силой своей воли. На суровом лице капитана нельзя было прочесть никаких мыслей. Казалось, его облик высечен из цельного куска гранита, только усы воинственно топорщились, и привыкшая к тяжести оружия рука крепко сжимала рукоять меча, хотя мужчина точно знал, случись что – клинок ему не поможет. Оставшиеся стражники как упали на колени, так и ползли, скрежеща и лязгая доспехами на весь этаж и пыхтя, как пара ежей. Вслед им неся насмешливый шепот жуткой темноты.

Камера, из которой умудрился сбежать узник, находилась почти в самом конце коридора. Процессия остановилась перед дверью и дружно уставилась на нее, словно дети на фокусника, в чьей шляпе исчез кролик. Глупо было рассчитывать, что побег просто чья-то жестокая шутка, но в глубине души, где-то очень глубоко, Неждан на это надеялся. Рамидал торжественно, как на приеме у королевы, распахнул тяжелую дверь перед начальством. Неждан невольно подался вперед. Стражники сдали назад и дружно уселись на пятую точку, как пара закованных в броню пуделей. Рамидал невесело хмыкнул; видя трусость своих подчиненных, он начинал сомневаться, тот ли жизненный путь избрал. Капитан тоже боялся и честно считал, что страха не ведают либо воины, отведавшие напиток бесстрашия, который делал их опасными не только для врагов, но и для своих же соратников, либо идиоты. «Надо было подаваться в наемники, – устало подумал он. – Наемникам платят больше, и есть шанс накопить достаточно денег, чтобы приобрести в старости небольшой домик с виноградником. Это, конечно, если тебя не убьют раньше».

Камера представляла собой темный каменный мешок без окон. Никаких источников света, кроме факелов тюремщиков, здесь не было предусмотрено. Прогнившая солома служила постелью для узников и жилищем для насекомых. В помещении пахло гнилью, плесенью и еще всевышний знает чем, поэтому перед входом в камеру стражники дружно зажали носы платками. Помогало слабо. От непередаваемого амбре слезились глаза. Посередине пола красовалась приличного вида дыра, над ней зловеще клубился туман из «слез вампира».

– Кто-нибудь может мне сказать, как такое могло произойти? – задумчиво поинтересовался Неждан.

– Наверное, выгрыз дыру зубами, – предположил капитан.

Некоторое время все дружно любовались на клубы тумана, медленно, но неумолимо заполнявшие тесную камеру. Затем до всех дошло, что если срочно не принять меры, туман может проникнуть не только в камеру, но и заполнить весь нижний уровень, после чего захватить всю крепость. Этого никто не хотел. Начальник предложил одному из стражников сходить за железным листом, чтобы прикрыть доступ для ядовитых паров. Стражник долго рыдал, вцепившись в ногу строгого начальства, как пастбищенский клещ в единственную буренку, при этом его факел находился в опасной близости от промежности Неждана. Но мужчина остался непреклонен. В качестве небольшого снисхождения он предложил второму стражнику соста-

вить компанию сослуживцу. Теперь били лбами в железных шлемах об пол уже два страждущих. Тьма ехидно хихикала.

– Хватит! – не выдержал Рамидал и вырвал факел из рук ближайшего стража. – Если вы, недоделки, сейчас же не выполните приказ, я лично заткну дыру вашими телами! Думаю, размер как раз подойдет.

Стражники синхронно охнули и помчались выполнять распоряжение руководства так резво, словно за ними гнались все демоны преисподней разом. Неждан проводил охранников задумчивым взглядом и хмыкнул в каштановые усы:

– За что я тебя ценю, капитан, так это за великолепное умение ладить с подчиненными.

После того как удалось заделать дыру, проделанную несознательным узником, думавшим во время побега только о себе, а не о благополучии оставшихся в Сартакле, и привести в чувство стражников, так и валявшихся в коридоре, Неждан поднялся на вершину центральной башни, чтобы связаться с магами по кристаллу и обсудить инцидент с побегом. Конечно, делать этого не хотелось. Но, с другой стороны, не скажешь сейчас – все равно узнают и накажут. Припомнят и сомнительное происхождение, и тут уж снисхождения ждать не придется.

Неждан с мученическим вздохом активировал кристалл. Сначала в клубящемся тумане проплыла реклама какого-то очень красивого ковра ручной работы, вытканного элитными рабынями Таджмистана, с рождения воспитывавшихся в далеком монастыре, дабы вы ткать именно этот ковер, просто необходимый любому уважающему себя владельцу замка. Затем какая-то очень жизнерадостная девица предъявила красивый флакончик и заявила, что с помощью нового омолаживающего средства «Супермаг-3» помолодела лет на сто и теперь по внешнему виду годится в дочери своим внукам. Так что когда в кристалле возникло прыщавое лицо какого-то юнца в черном балахоне, Неждан честно принялся ждать, когда юное недоразумение примется рекламировать лосьон от подростковых угрей. Юноша тоже не торопился и предлагать товар не спешил: то ли не был уверен, что для начальника Сартакля это предмет первой необходимости, то ли сомневался в платежеспособности клиента.

– Ну, так и будем смотреть друг на друга? – поинтересовался юнец. – А то у меня звонок по второй линии.

Неждан отмер, прокашлялся и выдал:

– Быстро позови кого-нибудь из начальства!

Молодой маг и бровью не повел:

– Уважаемый, либо вы говорите, что хотели, либо я отключаюсь. И не надо так угрожающе покрываться пятнами. Зараза через кристалл не передается и проклятия тоже.

Начальник тюрьмы действительно покрылся красными пятнами гнева, которые мальчишка-маг ошибочно принял за заразное заболевание.

– Хорошо. Из Сартакля сегодня сбежал узник. Сообщение я передал. Сам думай, что с ним делать, – выдохнул Неждан и отключил кристалл, рассудив, что так оно лучше будет.

Вроде отрапортовал, а там пусть как хотят, так и поступают. Он уже открывал дверь из башни, когда капитан стражи чуть не сбил его с ног.

– Бронзовый упал!

– Где? – пораженно воскликнул начальник.

– В лесу Беримора.

«Значит, все погибли», – устало подумал Неждан. Вслух он этого не сказал, но по потрясенным глазам капитана понял, что тот думает о том же. Никто не может выжить в лесу, когда поднимается туман.

Недалеко от Чертова перста прямо из-под земли высунулась чья-то когтистая рука. Длинные когти поскребли окружающую землю, прощупали окружающее пространство, и на волю вырвалась вторая рука, вооруженная не менее внушительными желтыми серповидными

отростками. Вампир Валсидал Алукард рывком выдернул себя из подземного хода в туман. Он, конечно, слышал про губительные «слезы вампира» и был убежден, что сбегает ночью, только в Сартакле день и ночь друг от друга ничем принципиальным не отличались, а те, кто рыл подземный ход, были слепы. Валсидал сунулся было обратно в подземный ход, но передумал. Туман уже просочился и сюда и явно был в подкопе все время, пока вампир полз. Значит, либо «слезы вампира» на вампиров вообще не действуют, либо кровь местных зверьков, чьи крепкие зубы и когти умудрялись продалбливать ходы даже в таком, казалось бы, монолите, как Чертов перст, так подействовала на вампира.

Валсидал забросал открывшийся лаз вырванной тут же с корнем травой, скорее на всякий случай, чем всерьез рассчитывая, что погоня его не обнаружит. Завалить чем-то весомым просто не хватило сил. Узников в Сартакле кормили редко и ровно настолько, насколько требовалось для поддержания простых жизненных функций. Некоторые даже впадали в спячку, но их принципиально будили. И делали это не только для того, чтобы узникам-вампирам жизнь малиной не казалась, а еще и потому, что кровь вампиров ценилась на вес золота, и доход от продажи крови официально истребленного вида был сравним с годовым доходом среднего государства. Валсидал не питал никаких иллюзий насчет своих тюремщиков. Он жил, пока имело смысл продавать его кровь. Но кровь вампиров всегда пользовалась спросом и как сильнодействующий наркотик, и как средство омоложения, и как составляющая редких зелий, а это значило только одно: Валсидалу грозило вечное прозябание в Сартакле. При одной мысли о подобной участи вампира прошибала нервная дрожь.

Надо было идти. Вот-вот его хватятся и тогда пошлют погоню, как только стемнеет и ядовитый туман перестанет расползаться по подлеску. Валсидал попробовал подняться на ноги. Удалось далеко не с первого раза и с большим трудом. Камера, где он гнил все эти годы, не располагала к длительным пешим прогулкам, ноги предательски дрожали и подгибались. Проклиная собственное бессилие, спотыкаясь на каждом шагу, он плелся между деревьями, путаясь в собственных ногах, задыхаясь от тумана, сплевывая на землю непонятную жидкость, которая скапливалась в гортани и мешала дышать нормально. Ему казалось, что он идет уже целую вечность и прошел уже, наверное, не менее половины острова, но когда обернулся и взглянул на пройденное, готов был расплакаться от отчаяния, но не смог. Иссушенный постоянным донорством и воздержанием организм не смог выдавить из себя ни единой капли влаги.

– Вампир-р-р, – пронеслось по лесу, заставив бывшего узника вздрогнуть от неожиданности. Он покачнулся и удержался на ногах только благодаря тому, что крепко вцепился в дерево, чей ядовитый сок так и норовил капнуть за шиворот.

– Кто здесь? – испуганно прошептал Валсидал, ожидая, что вот-вот из-за деревьев выступят охранники с мечами и арбалетами, заряженными серебряными болтами, а с арбалетами он и в период своего расцвета мог потягаться, только если их немного.

Но в Сартакле арбалетов было много. Рассчитывать на благоприятный исход вампиру не приходилось. Валсидал гордо вскинул голову, готовый встретить свою смерть. Живым он им не дастся. Жаль только, что солнце слепило отвыкшие от света глаза даже сквозь туман, даже хваленая регенерация вампиров не могла компенсировать несколько веков, проведенных в темноте, и пелена мешала четко разглядеть, что именно творится вокруг. А так хотелось посмотреть своей смерти в глаза, почувствовать себя легендарным героем...

– Нашел о чем мечтать! – насмешливо фыркнули в лесу. – Сколько столетий в заточении, а все романтические грезы одолевают? Надеюсь, ты не мечтаешь о прекрасной рыцарке в красном плаще, что лихо примчит на белом боевом жеребце и освободит страдальца из заточения?

– Не много чести в насмешках над узником, – тряхнул головой Валсидал, сосульки спутанных волос больно хлестнули по щекам, но он совершенно не обратил на это внимания. – Избавь меня от своих попыток иронизировать на мой счет. Как будто раньше у тебя было мало

времени, чтобы позубоскалить. Лучше подойди ближе и оборви мои страдания молча. Может, я и не заслужил вечной жизни, но хотя бы достоин быстрой смерти.

– Какое совпадение, вампир, – устало вздохнул собеседник. – Я как раз хотел просить тебя о подобном одолжении. К тому же, если ты сделаешь все, как я скажу, от нашей сделки ты получишь не меньше пользы, чем я.

Вампир сомневался недолго. В конце концов, терять ему было нечего, и он стал пробираться сквозь чашу на голос. Благо, в отличие от зрения, со слухом у него проблем не было.

Бронзовый, прикрыв глаза и тяжело дыша, лежал на боку. Поверженный исполин, даже умирая, выглядел величественно, распластавшиеся крылья напоминали изломанный, изорванный зонтик, остатки упряжи от воздушной колесницы рваными клочьями разметалась вокруг. Сама колесница не выдержала страшных ударов о деревья, ее жалкие остатки, перемешанные с тем, что осталось от людей и груза, были разбросаны на несколько сотен метров вокруг. О падении повелителя неба свидетельствовали поваленные деревья, вырванные с корнями кусты, располосованная земля. Дракон терпеливо ждал смерти. Такие, как он, могут достойно встретить Темную Госпожу, без лишней суеты и глупых сомнений. Бронзовый достаточно пожил на этом свете и много повидал на своем веку, он заслужил право уйти за порог с гордо поднятой головой. Оставалось только одно дело. Именно из-за него чешуйчатый великан был еще жив, последним усилием воли заставляя изношенное сердце биться. Если вампир не доберется до него в ближайшие несколько минут, ему же хуже.

Валсидал невероятным усилием воли сделал шаг и остановился, увидев поверженного великана. Размеры бронзового производили неизгладимое впечатление даже на тех, кто постоянно имел возможность видеть драконов, а уж тех, кто давно их не видел, впечатляли еще больше.

– Ты собираешься и дальше любоваться моим обликом, вампир, или все-таки подойдешь поближе?

– Зачем? Чтобы ты мог спалить меня огнем?

– Глупец, – рассмеялся дракон и задохнулся от пронзившей его избитое тело боли. – Если бы я желал это сделать, поверь, те несколько шагов, что нас разделяют, не стали бы препятствием для драконьего пламени. Если я тебя зову, на это есть причина, упырь.

Валсидал Алукард невольно поежился. Пусть жизнь (или в его случае нежизнь) едва теплилась в его измученном теле, но все-таки родовая честь заставила его выпрямиться. Глаза его сверкнули, и он одним гигантским прыжком пересек разделявшее их с рептилией расстояние. Назвать вампира упырем – для рода вампиров это было едва ли не худшее оскорбление. Вампиры были нежитью, они были зависимы от людской крови, хотя иногда могли ее заменить чьей-то другой, но в остальном они почти ничем не отличались от людей – ели, любили, рожали детей. Да, они были сильнее чисто физически, практически не болели и жили почти вечно, но все-таки их жажда крови не была такой уж большой проблемой.

Упыри же в этом смысле отличались от вампиров примерно так же, как орки от эльфов. Их жажда была ненасытна, стремление убивать заложено на подсознательном уровне, а свирепость и жестокость, доходящие до садизма, стали основой для множества страшилок и легенд. И хотя сама по себе раса упырей размножалась путем заражения людей, которые после обращения восставали упырями, вампиры тоже приложили к существованию этого вида нежити свою бессмертную руку. Ходили упорные слухи, имевшие под собой основания, что вампиры сами вполне могли создавать упырей. В этом случае мастер, создавший нежить, получал контроль над своими созданиями и хоть как-то мог направлять их кипучую энергию и жажду крови в нужное русло.

– Я не упырь, – прохрипел Валсидал прямо в морду повелителя неба. – Я вампир. Надеюсь, ты знаешь разницу.

Этого последнего рывка с головой хватило на то, чтобы последние остатки сил покинули его. Валсидал рухнул на землю и захрипел, стараясь восстановить дыхание.

– Да. Я знаю. – Слова дракона прозвучали так весомо, словно он был уверен, что благодарные за подаренную мудрость потомки высекут их на надгробном постаменте почившего гиганта. – Хотя не уверен, что нынешние люди помнят об этой разнице. И пусть наши расы никогда не были дружны, я всегда считал и считаю теперь, что с вами поступили ужасно. Я никогда не одобрял таких методов. Но, к сожалению, мой голос был слаб тогда, слаб он и теперь.

Вампир наконец выровнял дыхание. Ему казалось, что ядовитый туман уже начал поражать легкие, выжигая и без того ослабленный организм изнутри.

– Но это вовсе не мешало тебе служить им, – бросил он свое бесполезное обвинение.

Дракон устало вздохнул:

– Да. Служил. Жизнь странная штука, иногда приходится идти вразрез со своими убеждениями. Но согласись, в том, что случилось с вами, есть и ваша непосредственная вина. Зачем было создавать армию упырей? Разве не ясно, что, убив всех людей, вы были бы просто обречены на медленное вымирание?

– Ты прав. – Вампир прислонился к чешуйчатой шее собеседника. Во время бессмысленной кровавой войны между вампирами и людьми, которая привела род вампиров почти к полному уничтожению и нанесла огромный урон людям, ходили слухи о безумии короля Старха, собравшего свой народ под кроваво-красные знамена с изображением нетопыря. Но те, кто пытался воспротивиться воли властелина, заканчивали свою жизнь в пыточных подвалах короля. – Я тоже не разделял взглядов своих лидеров и тем не менее сражался под их знаменами. В этом мы похожи с тобой.

– Вот уж не думал, что перед тем как ступить за порог и завершить свой долгий жизненный путь, удостоюсь сравнения с нежитью, – хмыкнул бронзовый. – И тем не менее, стоя на пороге черного безмолвия, я хотел бы загладить часть вреда, который нанес вампирам и получить прощение старого врага.

Как ни устал Валсидал, он нашел в себе силы удивиться.

– Я прощаю тебя, мой крылатый враг. Прости и ты меня, если что. Думаю, мне тоже недолго осталось наслаждаться свободой. Ядовитый туман еще до темноты отправит меня вслед за тобой. А если ему это не удастся, я намерен не сдаваться погоне живым.

– Не спеши, вампир, – устало вздохнул дракон. – Ты еще не слышал моего предложения.

– Поверь, я ничуть не хочу принизить тебя, просто сомневаюсь, что при всем своем величии ты сможешь мне помочь, – горько усмехнулся Валсидал, опускаясь на землю.

– И все-таки я попробую. У меня не так много времени, так что сделай милость – не перебивай меня. Я предлагаю тебе кровь.

– Чью? – пораженно воскликнул вампир, не в силах поверить в происходящее.

Кровь для вампира всегда желанна. Отданная добровольно, красная влага могла даровать силу получателю такого подарка, иногда даже поднять на уровень выше, сделав гораздо могущественнее. Но Валсидал никогда не слышал, чтобы кровь давали драконы. Обратней и тех в большинстве своем можно было только заставить, двуипостасные гордо отвечали: «Мы не скот», – и в дальнейшем их приходилось добивать угрозами. Но дракон... Это вообще существо, которое редко кому удавалось одолеть, и еще реже выживал тот, кто осмеливался угрожать крылатым рептилиям.

– Чью? Суслика! – взревел дракон, и вампиру показалось, что исполин вознамерился изрыгнуть на него пламя. – Свою, разумеется! Ты видишь здесь кого-то еще, кроме нас? Только ты вот что... покопайся там среди обломков... Помнится, были там железные кувшины, если уцелели, неплохо было бы наполнить их кровью про запас. Да поспеши. Недолго мне осталось.

Вампир честно пытался подняться и даже совершил несколько судорожных движений, но то ли отчаянный побег забрал у него слишком много сил, то ли ядовитый туман уже делал

свое дело – ничего у него не вышло. Бронзовый смотрел на жалкие потуги Валсидала со смесью жалости и интереса, затем смиростивился над несчастным страдальцем и предложил прекратить мучения.

– Знать, не судьба тебе сделать запас. Мое время пришло. Не медли больше. – Дракон отвел голову в сторону, оставляя глубокую борозду в земле, и обнажил шею.

Вампир преисполнился скепсиса. Как известно всем, у драконов самая крепкая кожа, к тому же усиленная чешуей. Ее просто так не пробьешь, а вампир вообще имеет все шансы поломать зубы, и не факт, что остатка сил хватит на регенерацию. Дракон насмешливо фыркнул. Он прекрасно понимал колебания вампира, ведь бронзовый был не просто большой и старый, но еще и умный. Он с трудом оторвал холодеющую лапу от земли, чье притяжение было уже почти непреодолимо, усмехнулся и одним точным движением вскрыл аорту. Кровь хлынула мощным потоком. Вампир жадно приник к живительной влаге пересохшим ртом.

«Надеюсь, он не захлебнется. Глупо было бы умереть так», – промелькнула последняя мысль в стремительно угасающем разуме повелителя неба.

И Валсидал действительно едва не захлебнулся. Кровь для вампира всегда значила много. Это был не просто процесс насыщения, удовольствие получали оба: и жертва, и тот, кто эту жертву принимал. В слюне кровососа содержалось множество разных веществ, среди которых были те, что давали удовольствие, близкое к сексуальному, и те, что не давали крови быстро сворачиваться. Иногда донору даже грозила смерть от кровопотери именно потому, что, находясь в эйфории от укуса, жертва была не в состоянии остановить кровь, либо просто этого не хотела.

Будучи вампиром рожденным, Валсидал знал об этом еще с коротких штанишек. Но кровь дракона не могла сравниться ни с чем. Вампиру казалось, что внутри сочится живой огонь, опаливая все на своем пути, даря ни с чем не сравнимую смесь боли и наслаждения одновременно. Казалось, в желудке расцвел огромный огненный цветок и грозит пустить побеги прямо сквозь тело наружу, к свету, сжигая все на своем пути, включая проклятый туман, который, к слову, уже совсем не обжигал легкие. Алукард счастливо всхлипнул, сполз на землю и принялся кататься в экстазе, как кот под воздействием кошачьей мяты. Такого ему еще никогда не приходилось испытывать. Ему казалось, что вот-вот вырастут за спиной огромные кожистые крылья, и он воспарит над лесом, унося свое ставшее вдруг сильным тело к свободе.

Вампир бросил прощальный взгляд на мертвого дракона. Бронзовый повелитель неба был абсолютно мертв, мощное сердце его перестало биться, но даже в смерти старый ящер был невыразимо прекрасен. Валсидалу было жаль оставлять ставшее внезапно таким близким существо без достойного погребения, но погребальный костер таких размеров сложить он не мог, да и разжечь его попросту было нечем, а даже попытка предать почившего исполина земле казалась кощунством. Вампир низко поклонился дракону. Валсидал Алукард длинными прыжками понесся по направлению к Ведьминому озеру. Чем дальше он окажется к наступлению темноты от этого места, тем лучше.

Глава 3

В столице Рансильвании, прекрасном городе Шепатуре, который славился не только своей неприступностью во время нашествий неприятеля, но и самой большой и сильной школой магии, стоит строение, названное башней Семи Ветров. Такое название она получила потому, что выше нее в Шепатуре не было ни одного здания, к тому же она располагалась на холме, потому и обдувалась всеми ветрами. Это обстоятельство, конечно, доставляло некоторое неудобство ее обитателям, но жители башни не были простыми людьми или нелюдьми – это были маги. И не просто маги, а члены верховного совета магов Рансильвании. Совет состоял из двенадцати магов – по три мага – представителя от каждой стихии, не считая верховного мага.

Верховный маг Нилрем стоял в своем кабинете и смотрел сквозь открытое окно на спокойные воды гавани. Это был седой высокий старик с ухоженной бородой цвета соли с перцем и волосами до плеч. Красная мантия его была расшита золотом и украшена жемчугом. Тонкий породистый нос с горбинкой выдавал в нем выходца из горного клана, стального цвета глаза смотрели задумчиво и сурово. Сообщение из Сартакля о бегстве узника обеспокоило верховного мага. Он размышлял о том, каковы шансы узника выбраться с острова и что именно может предпринять сбежавший вампир против магов вообще и его в частности. Как ни крути, Нилрем был одним из тех, кто голосовал за заточение вампиров в тюрьму под надежную, как казалось, охрану. Тогда иметь постоянный источник вампирской крови для эликсиров, лекарств и экспериментов казалось хорошей идеей. Впрочем, он и сейчас готов был с пеной у рта отстаивать свое мнение. А вот стеречь узников все-таки надо было лучше.

Порт в Шепатуре был хороший, большой. Каждый день в него приходило множество кораблей, и множество товаров покидало трюмы, не меньше товаров каждый день грузилось на разнообразные суда, чтобы из Рансильвании отплыть в сопредельные государства. Поэтому в порту всегда царили суматоха и толчея. Нилрем находил суету людей забавной. Кабинет находился практически под самой крышей башни, и люди с такой высоты напоминали суетящихся муравьев в растревоженном муравейнике.

В дверь постучали. Погруженный глубоко в свои мысли Нилрем вздрогнул от неожиданности, хотя ожидал, что к нему вот-вот придут, и пристально уставился на дверь, проверяя, кто именно потревожил его покой. Как и ожидал глава совета, на пороге за закрытой дверью стоял коренастый брюнет, в фигуре которого, бугрившейся мощными мышцами, трудно было распознать мага. Вопреки широко распространенному мнению, что маги все сплошь подслеповатые старцы, облаченные в застиранные мантии и корпящие над старыми пыльными трудами круглые сутки, а то и варящие сложные зелья из мерзких даже на вид ингредиентов, боевой маг Флоднэг имел внешность воина, а не книжного червя. Невысокий коренастый брюнет, чуть за тридцать лет, он носил высокие сапоги для верховой езды, черные кожаные штаны, холщовую рубаху, кожаный жилет и собирал волосы в конский хвост. Его светло-карие глаза смотрели так пристально, что собеседник поневоле чувствовал себя виноватым в чем-то. Флоднэг прекрасно чувствовал, что его сканируют, и ждал, пока старик закончит. Нилрем не дожидаясь до столь почтенного возраста, когда даже маги начинают считаться древними старцами, если бы не был осторожен и подозрителен почти до мании. Никто не мог сказать с уверенностью, сколько ему лет, ходили слухи, что далеко за тысячу.

– Войдите! – снизошел Нилрем, после того как удостоверился, что за дверью именно тот, кого он ждал.

Стремительной походкой Флоднэг промаршировал в комнату и с поклоном приветствовал старшего коллегу. Нилрем снисходительно кивнул в ответ, мол, здоровее видали, и сделал пасс, устанавливая звуконепроницаемую защиту. Брови Флоднега удивленно поползли вверх.

Разговор предстоял не из простых, раз глава совета решил дополнительно усилить защиту стен собственной магией.

– Как себя чувствуют ваши подопечные? – поинтересовался Нилрем с таким видом, словно вызывал боевого мага только для того, чтобы задать вопрос о вверенных его заботам вервольфах.

К слову сказать, вервольфы больших хлопот не доставляли. На каждого из них практически с рождения надевали ошейник подчинения, и выбора у оборотня уже не оставалось – либо ты делаешь, что тебе велят, либо мучаешься от боли или умираешь на выбор держателя кольца от ошейника.

– Благодарю, хорошо. Аппетит у них отменный, шерсть лоснится. Некоторые достигли совершеннолетия, и им можно выбирать наставника.

– Это хорошо, – кивнул глава совета. – Я недавно ездил в школу, которая находится под моим особым покровительством, достойные маги растут. Думаю, на выпускных экзаменах можно будет найти прекрасных наставников подросшим вервольфам. Из числа самых талантливых, разумеется.

Флоднэг приложил руку к груди и поклонился.

– Вы как всегда правы, ваше светлейшество.

– Скажи, Флоднэг, что, полевые испытания в этом году уже проводились?

– Да, ваше светлейшество. Как вы знаете, после полевых испытаний принято награждать отличившихся вервольфов лучшими самками, для получения хорошего потомства, а сезон размножения у них зимой.

– Вот и славно. Полагаю, среди испытуемых были особенно отличившиеся?

– О да, ваше светлейшество. Хотя, признаться, нынешние испытания не принесли неожиданностей. Лютый все еще в силе и держит всех в страхе и строгости.

– Да что ты говоришь... И что, он так хорош?

– Равных ему даже близко нет.

– Как славно. А давно он участвовал в реальном деле?

Флоднэг задумался, вспоминая. Лютого отправляли на реальные дела редко. Прежде всего потому, что с ним мало кто отваживался работать в паре. Несмотря на ошейник подчинения, нрав Лютого был крут, и добиться абсолютного послушания от злобного вервольфа было практически невозможно. За ним требовался глаз до глаз, того и гляди, умудрится обойти сдерживающие заклипания и вцепиться в глотку наставнику. Последний раз Лютый работал в паре с учеником Флоднега Намурасом. В итоге парнишка вернулся заикой, и учитель целых три месяца отпаивал его отварами. Ну да, это было еще до зимних испытаний...

– Помните, светлейший, этой осенью одну из деревень пограничья буквально выкосили вурдалаки?

Нилрем понимающе кивнул. Он прекрасно помнил эту историю. Вурдалаки были на диво организованны и хитры. Раньше они никогда не действовали стаями, а тут буквально проявили чудеса организованности и изворотливости. Их дневные лежки не так-то просто было обнаружить даже опытным магам и вервольфам. Пришлось задействовать Лютого. Сам Флоднэг в это время умирал колонию зомби, мирно работавших на добыче самоцветов, пока какой-то некромант не перехватил управление над рудокопами и не принялся набивать свои закрома самоцветными камнями. Хищение обнаружили не сразу. Прежде всего потому, что были уверены – зомби камнями не интересуются, им свежее мясо подавай. Поэтому отчет за квартал очень удивил короля, а за полугодие просто шокировал. Пока разобрались в причине происходящего, хитрый некромант успел изрядно поживиться за счет казны. Ну, ничего. Столетие-другое в тюрьме для магов вернет отступника на путь истинный. А там можно будет найти более достойное применение таким незаурядным талантам.

– Вот эту деревню очищали как раз с участием Лютого, – закончил Флоднэг и поморщился, вспомнив, как наставники жаловались на трусость вервольфов.

Оборотней просто невозможно было заставить взять след вурдалака. Они трусливо жались к ногам, ища защиты у магов, и испуганно скулили, как обычные дворняги. Если бы не Лютый, операция была бы безнадежно провалена, а приграничные деревни заняты вурдалаками. Удалось бы остановить эту заразу, чтобы она не проникла в столицу? Далеко не факт.

– Догадываешься, зачем я призвал тебя? – неожиданно в лоб спросил глава совета магов.

Флоднэг вздрогнул от неожиданности, но быстро собрался и ответил с поклоном, достойным опытного царедворца:

– Нет, ваше светлейшество, не имею ни малейшего понятия.

– Что ты знаешь о тюрьме Сартакль?

Брови Флоднега невольно поползли вверх от удивления.

– Только то, что известно каждому в Рансильвании. Это тюрьма для особых узников, и из нее никому еще не удавалось сбежать.

Нилрем улыбнулся, и такое многозначительное движение его губ заставило бывшего мага покрыться мурашками.

– Так вот, до сегодняшнего дня это определение было весьма и весьма точным.

– Что вы хотите этим сказать?

– А то, что сегодня из Сартакля был совершен побег, и ловить узника придется именно тебе с Лютым. Впрочем, можешь взять с собой ученика.

– А местные стражники?

– К сожалению, на их содействие особенно рассчитывать не приходится. И это еще одна дурная весть. Бронзовый дракон, везший смену стражи в Сартакль, упал где-то на Бериморе. Драконы Шепатура уже оплакали его, значит, бронзовый точно мертв, полагаю, стражники тоже. Никто еще не выживал на острове, когда «слезы вампира» превращаются в туман.

Светлолика сбросила на землю охапку сена, перевязанную веревкой, отерла лоб рукавом и в очередной раз посетовала на собственную недогадливость. Ну что стоило потребовать, чтобы сено для козы натаскали ей дюжие молодцы! Раз уж проштрафились, могли бы и расстараться для родной ведьмы. Но до Хренодерок идти далеко, а луга, где стояли стожки, были гораздо ближе. Лика взяла с собой веревку, смело подошла к самому красивому, на ее взгляд, стогу и даже смогла надергать необходимое количество сушеной травы. Разумеется, с краю не брала. Зачем такой хорошей козе практически черное сено? Как вяжут вязанки, девушка видела. Сельчанки часто таскали сено своим козам или коровам. Это ничего, что узел вышел кривой и далеко не с первого раза. Помаяться пришлось, еще и взваливая вязанку на спину. Хотелось принести сразу и много, чтобы по несколько раз не бегать, но полученный в итоге стог не сильно уступал в размерах материнскому и ощутимо перевешивал. Светлолика поняла: такую тяжесть могут утащить лишь трое здоровых парней, и то, если впрягутся разом. Бросить любовно утрамбованную, но очень тяжелую вязанку Лике не позволяла гордость. Связанное веревкой сено пришлось забросить на выступ стога, потом шустро подбежать и принять на себя свою ношу.

Это только в пословице своя ноша не тянет. А эта тянула, да еще как. Ведьма брела зигзагами и практически не разбирала дороги, как лесник, перебравший медовухи. Шишки и сучки трещали под ее ботинками, мыши с писком в ужасе разбегались по норам, вороны со зловещим карканьем кружили над ней, словно ожидая скорой поживы.

– А вот не дождетесь! – фыркала ведьма, сдувая надоедливую прядь, выпроставшуюся из-под платка. – Я вас всех переживу.

Теперь же, когда до дома осталось всего ничего, силы практически покинули упрямую ведьму. Девушка с тоской посмотрела на видневшийся в конце просеки такой родной,

такой близкий и одновременно далекий дом. Затем с ненавистью уставилась на опостылевшую охапку. Если бы она могла воспламенить взглядом, сено вспыхнуло бы ясным пламенем, но Светлолика не обладала подобным даром, поэтому, сколько ни таращилась на сушеную траву, та возгораться не спешила и ноги не отращивала в помощь ведьме. В сердцах Лика пнула злощастную охапку. Та слегка сдвинулась с места.

– Ее можно тащить! – обрадовалась ведьма и чуть не запрыгала на месте от радости.

И правда, если тащить тяжесть волоком, это намного легче. Девушка ухватила за веревку, уперлась ногами и поволокла вязанку, весело напевая под нос песенку. Это не беда, что трава щедро сыпалась на дорогу и до дома в лучшем случае доберется лишь половина. Выпавшее сено можно и завтра подобрать, а козе и остатков вполне должно хватить. Так и двигалась она, пока головой не врезалась в нечто твердое. Нечто твердое ахнуло, зашипело, принялось грязно ругаться и злобно заявило:

– Куда прешь, чучело?! Под ноги смотреть не пробовала?

Светлолика от неожиданности потеряла дар речи и только моргала своими серыми с зелеными искорками глазами, уставившись на странного незнакомца. Незнакомец был высокий, болезненно худой, со спутанными нечесаными волосами, и разило от него совершенно несусветной вонью, как от зомби, пролежавшего в земле не менее недели. «Может, это упырь? – мысленно нахмурилась ведьма. Надо же. Живой упырь... И к тому же говорящий. Интересно, а можно из него чучело сделать?»

– Ха! Каждая нежить будет мне указывать, куда смотреть! – гордо подбоченилась ведьма. – А бизинкл не хочешь?

Она напустила на себя самый угрожающий и многозначительный вид, какой только могла, оттопырила указательный палец правой руки, прочертила им замысловатую фигуру в воздухе и в конце щелкнула оторопевшего вампира по носу.

– Би-и-из-зи-и-инкл! – авторитетно заявила она.

Валсидал (а это был именно он) оторопело проследил за движением пальца ведьмы, скосил глаза на кончик носа, моргнул и с удивлением уставился на девушку. Ведьма была ничего себе: блондинистая, судя по прядям, выбившимся из-под выдавшего виды платка, невысокая, но с ладной фигуркой. Жаль только, стройность ног определить навскидку было невозможно. При таких широких штанах, сшитых явно из мешковины, с точностью можно было только заявить, что ноги точно две, и либо сильно косолапят, либо ботинки сильно разношены.

– У вас тут все такие дикие? – усмехнулся Валсидал, показывая кончики острых даже на вид клыков, и втянул носом воздух.

Даже сквозь ощутимый запах пота и немытого тела вампир отчетливо чувствовал аромат ее крови, видел синюю жилку, явственно и маняще пульсирующую на тонкой девичьей шее, почти физически ощущал дивный вкус красной влаги, текущей по ее венам.

– Дикие? – моргнула Светлолика.

Она не рассчитывала на такую реакцию упыря. Почему-то с момента столкновения он ей виделся только в виде чучела в коллекции, так тщательно собираемой мамой. Теперь же, увидев острые клыки, она вдруг остро осознала свою незащищенность. Что она могла противопоставить опасному противнику? Упырю, которых, по словам матери, не видели уже давно. Нет, она, конечно, не была настолько наивна, чтобы всерьез рассчитывать на паническое бегство упыря после своего «бизинкла». От такого жеста шарахались исключительно местные. Но им достаточно было пригрозить проклятием или пристально посмотреть в глаза, чтобы повергнуть в паническое бегство. Животные просто сходили с ее пути. А с нежितью Лика сама старалась не встречаться.

Страх проявился неожиданно; холодной рукой прошелся по позвоночнику, мелкой дрожью коснулся мышц, цепкой лапкой сжал замершее вдруг сердце. «А что, если упырь не захочет стать чучелом? Вместо этого вопьется острыми клыками в шею и выпьет всю кровь

залпом?» И девушка сделала то, что, возможно, нужно было сделать сразу, как только увидела в лесу упыря, – врезала ему изрядно потрепанной, но все еще тяжелой вязанкой сена. Упырь охнул от неожиданности и отпрыгнул в сторону. Светлолика бросила ставшую ненужной веревку и понеслась по направлению к спасительной избе со всех ног.

Валсидал как раз в этот момент пришел к выводу, что умственные способности неопрятной девицы, мнящей себя могущественной ведьмой, вряд ли отрицательно скажутся на качестве ее крови. Он уже мысленно облизывался, но получил вместо порции живительной влаги сеном в лоб, на мгновение растерялся и даже отпрыгнул в сторону от неожиданности. Впрочем, он тут же пришел в себя, зашипел, как раскаленные угли, на которые нерадивая хозяйка плеснула водой, и помчался следом.

Но вампир недооценил быстроту девичьих ног. Подхлестываемая страхом Светлолика вихрем влетела в избу и захлопнула дверь прямо перед взлковавшим ведьминой крови вампиром. Впрочем, закрыть ее на засов не удалось. Дверь сотряс мощный удар. Лика взвизгнула и навалилась на дверь всем весом. Следующий, еще более сильный удар отбросил девушку к противоположной стене, где она ощутимо приложилась об угол каменной печи и затихла.

Валсидал осторожно ступил на порог, чутко прислушиваясь к собственным ощущениям. Каждому ребенку известно, что вампир сам не может переступить порог дома без приглашения. Но вот незадача, девушка лишилась сознания, и последняя надежда зачаровать ее испарилась. Можно, конечно, дожидаться, пока она придет в себя. Только вот беда, к деревенской ведьме мог в любой момент заявиться по собственной надобности кто угодно, а Валсидал хоть и отведал крови дракона, все-таки пока не был в форме, чтобы драться.

В наступавших сумерках в глубине ведьминой избы желтым сверкнула пара глаз. И с душераздирающим воинственным «ме-э-э-э!» из темного угла стремительно выскочила коза и боднула агрессора прямо под дых, выбив Алукарда за порог и тем самым положив конец его притязаниям на глоток человеческой крови. Валсидал взвыл, согнулся в три погибели и, ругаясь, как пьяный матрос, уполз в ближние кусты. Вампир не мог видеть, как с потолочной балки мягко спрыгнул черный пушистый кот и быстро захлопнул дверь. Валсидал только слышал, как опустился дверной засов, забирая последнюю надежду добраться до ведьмы.

– Быстро же она оправилась! – прошипел бывший узник из кустов, сверля надежную дверь ненавидящим взглядом.

Долгое заточение наградило его привычкой разговаривать с собой вслух.

– Хотя... Пожалуй, это даже хорошо... Живучие, они самые вкусные.

Он в предвкушении облизнул пересохшие губы, вспоминая запах крови ведьмы. Отчего-то красная влага, бегущая по ее венам, манила его, как пение морской сирены. Сначала Алукард было напрягся. Не слишком ли сильно привлекает его эта неопрятная отшельница? Но потом успокоился. Возможно, ее кровь кажется очень сладкой именно потому, что она первый человек, встреченный за многие годы. Так истомившемуся жаждой путнику после пустыни любой глоток воды кажется напитком богов. К тому же оставлять живую свидетельницу слишком опасно. Что, если она расскажет об их встрече в деревне? По его следу тут же пойдут лучшие ищейки Рансилвании. А так он сможет совместить приятное с полезным. К тому же к ведьме может прийти кто-то из местных. Обед из двух блюд всегда лучше, чем из одного. Валсидал тяжело вздохнул и приготовился ждать в засаде.

Сарат и Тарам задумчиво брели по лесу. Оба русые, встрепанные, оба одеты в просторные косоворотки, подпоясанные поясом-веревкой, широкие домотканые порты из небеленого льна заправлены в носки, на ногах выдавшие виды лапти. В руках у каждого было по котомке и по здоровенному холщовому мешку с кудахтающими курами и одним возмущенно голосящим петухом. После бесславного побега женихов со сватовства, устроенного головой Хренодерок, последние оставшиеся на поляне парни вернулись в село если не героями, то по крайней

мере мужами, преисполненными смелости. На них смотрели уважительно, местная босоногая ребятня восторженно заглядывала в рот и восхищенно замирала при любом, даже самом глупом, высказывании парней. Те ходили гоголями ровно до тех пор, пока их матери не вызнали все подробности у Панаса.

Это были серьезные женщины; проживание в Хренодерках вообще к особому веселью не располагает. Они взяли скалки в руки и отправились вразумлять не в меру хвастливых чад. Скалка – одно из самых грозных женских орудий, перед ней часто пасуют даже отчаянные смельчаки. Тарам и Сарат не стали исключением из правил. Напрасно они жалостливо зывали к своим отцам, моля родителей о помощи, мужчины отступали в сторону, позволяя разбушевавшимся воительницам в юбках творить беззаконие и произвол. Жалобно блея, как пара ягнят, потерявших свою мать, парни уступили силе и отправились домой, подгоняемые грозными окриками матерей. Мужчины же погудели немного, больше для порядка, чем реально собираясь вызволять парней из цепких женских рук, и справедливо рассудили, что матери своим чадам зла причинять не станут, так, пожурят маленько и на волю отпустят. А вот пиво в местном кабачке вполне может прокиснуть, ожидая посетителей. И местные мужчины нестройными рядами отправились в «Пьяного поросенка» промочить немного горло.

Женщины Хренодерок дружно скинулись по курице с дыма, с подворья Панаса, как с зачинщика, взяли еще и самого голосистого петуха. Собрали в котомки разной снеди, насыпали зерна курам на первое время и снарядили чад в дорогу. Дары нужны были, дабы умаслить обозленную ведьму. Начиналась весна, нужно было заговаривать всходы, чтобы дали хороший урожай, помогать с погодой, да и местные комары с мошками не раз и не два служили источником разных хворей. Если ведьма осерчает на село, быть беде. Поэтому парням строгонастрого наказали передать на словах, что сарай возведут всем миром, загончик тоже поставят, с кормами помогут и выделяют для козы самого лучшего козла на случку. Парней проводили всем женским населением Хренодерок. Даже самые маленькие девчушки, цепко сжимавшие в маленьких кулачках края материнских юбок, смотрели вслед ходакам серьезно и многозначительно. И долго чувствовали парни их пристальный взгляд меж лопаток.

Валсидал почувал деревенских парней задолго до того, как те ступили на поляну перед домом ведьмы. Чувства голодавшего веками вампира обострились до предела, и чем ближе подходила будущая добыча, тем отчетливее он ощущал ток крови в их жилах, стук их сердец, а также мелкую пульсацию маленьких куриных сердечек. Запах скорой добычи сводил с ума, заставляя дрожать руки. Вампиру казалось, что он вот-вот захлебнется собственной слюной. Несколько раз его охватывало отчаяние, когда юноши сворачивали в сторону на извилистой тропе. Валсидалу казалось, что добыча почувала его запах и решила вернуться. Вампир не решался покидать свое убежище, и ему оставалось только кусать губы, раня их собственными клыками. Впрочем, Алукард даже не чувствовал боли.

Наконец Тарам и Сарат подошли к поляне. Тарам толкнул Сарата:

– А ну как ведьма нас того... проклянет?

Сарат замер на половине шага, лапоть завис над землей, замершая в ожидании смерти букашка отмерла и шустро поспешила прочь, счастливо избежав неминуемой гибели.

– А за что? – почесал вихрастый затылок Сарат.

– Дык за что ведьмы простой люд проклинают? Встала не с той ноги, вот и сыплет проклятиями направо и налево, что косой косит.

– Не-э-э. Не станет она нас проклинять, – покачал головой Сарат, делая просто небывалое умственное усилие. – Я так думаю. Мы ей подарки несем. Значит, злиться ей на нас смысла нету. А мы ей еще сарай сделать должны. Пока сарай не закончим, ей нас проклинять не к чему.

– А знаешь что?

– Что?

– Давай мы ее сарай будем до сенокоса строить.

– Почему до сенокоса?

– Так ей для козы сено понадобится. Мы ей и накосим. А там, глядишь, и успокоится.

– Думаешь? А моя мамка на папку никогда так долго не серчает. Недельку он на сеновале поночует, и все.

– Ну ты и сравнил. Дак тож мамка... А это ведьма...

Сидевший в кустах вампир потерял терпение и выскочил на дорогу прямо перед парнями. Сквозь живописное рубище, которое представляла его одежда, просвечивало сильно исхудавшее тело с выпиравшими ребрами. От невыносимого голода черты лица его заострились, искусанные в кровь губы перестали закрывать острые клыки. Кровь с губ струйкой стекла на подбородок, глаза горели неестественным красным огнем, а заострившиеся когти тянулись к обалдевшим парням, как лапы хищной птицы.

Парни невольно присели от удивления. Первым нашелся Тарам; он хватил вампира мешком с курами так, что перья вперемешку с перепуганными птицами полетели в разные стороны. Затем нахлобучил на голову нежити котомку и дунул в сторону Хренодерок. Сарат тут же повторил удачный маневр приятеля и присоединился к нему в забеге.

Валсидал клацнул зубами им вслед, отогнал от себя рассерженных кур, скинул с головы больно клюющего петуха и отер голову от разбитых яиц.

– Да-а-а... Все-таки дикий здесь народ живет... И бегают очень быстро...

Панас Залесский сидел у окна в своей высокой рубленой избе и не торопясь пил из высокой деревянной кружки холодное пиво. На столе любовно была разложена вяленая рыбка и маленькие сырокопченые остренькие колбаски. Мужчина смачно цедил пиво из кружки, кричал от удовольствия и даже жмурился после особо забористого глотка, затем тщательно выбирал очередной кусочек закуси, отправлял в рот и медленно пережевывал, блаженно вздыхал и начинал все по новой.

Его жена Параскева, дородная женщина, облаченная в домашнее коричневое платье и лукового цвета передник, гремела чугунами у печи. Дети задавали корм скотине и поили ее на ночь.

В это время громко хлопнула калитка, и во двор, как выпущенные из пращи камни, влетели Тарам и Сарат. Возбужденные и всклокоченные, они прямой наводкой промчались к двери и принялись дубасить в нее изо всех сил, полностью игнорируя удивленные окрики головы. На шум выбежала Параскева с большим чугуном и поварешкой в руках. Вздвораженные парни даже не заметили, как перед ними распахнулась дверь, и продолжили стучать по крышке чугуна. Жена головы ничуть не смутилась, просто пересчитала чересчур увлекшихся Тарам и Сарата половником по головам.

– Очухайтесь, заполошные! Чего ручонками сучите почем зря? Пожар, что ли?

– Нам того... – пролепетал Тарам, робея перед внушительной женой головы.

Оно и неудивительно. Панас сам часто опасался гнева суровой супруги.

– Чего того, малахольный? Ты толком говори, а не знаешь, чего надо, значит, дело у тебя нестоящее. Калитка – вон она, иди и не беспокой добрых людей по пустякам. Видишь, голова наш устал? Отдыхает.

– А нам того... голова и нужен, – нашелся-таки Тарам и тут же возгордился своей находчивости.

А Сарат внутренне корил себя за нерешительность и стыдливо ковырял носком сапога каменную ступеньку.

– Так бы сразу и сказал. Вон он, голова, собственной персоной. Пиво пьет у окна. Вы к нему под окошко и идите, нечего полы мне топтать. – Параскева ткнула рукой с половником в сторону окна, откуда уже высовывался Панас, и захлопнула дверь. Не дай всевышний, просо-

чатся настырные односельчане на только что высохшие после мытья полы. Скобли их потом ножиком по новой.

Парни, как жеребята-стригунки, дружно проскакали под указанное окно. Панас тут же вспомнил о своей должности, преисполнился солидности и важности, стряхнул крошки с усов и сделал вид, словно увидел посетителей только сейчас. Парни загалдели наперебой, как стая испуганных ворон:

- Голова!
- Там... того!
- Там ведьма!
- Ухажер у нее...
- Жуть!!!

Из их бессвязных воплей Панас хорошо расслышал только слово «ведьма» и сделал стойку, как охотничий пес на глухаря.

– Цыц! – Голова хватил кружкой по подоконнику, пенистый напиток брызнул во все стороны, как сок из перезревшего помидора, и щедро окатил присутствующих ароматной влагой.

Парни замолчали, испуганно утирая пену не особо чистыми рукавами. Панас отер лицо рукой, стряхнул остатки напитка на пол, полностью проигнорировав сурово сдвинутые брови жены. Параскева была женщиной шумной, грозной и спуску никому сроду не давала, но мужнин авторитет перед сельчанами не подрывала. Позже у нее будет время высказать все, что она думает о его свинстве.

– Та-а-ак... Давайте все с самого начала и по порядку. А то орете, как коты весной, – ничего не понятно.

Слово взял Тарам. Как самый красноречивый. Он в красках описал их с Саратом трудный поход к ведьме. И то, что встретили они странного мужика с клыками и когтями, который их к избе Светлолики не пустил и вообще запугивал всячески. Не иначе как ухажера ведьма себе завела, и он мужчин к ней не допускает – ревнует. Даже кур отобрал и раскидал по лесу. Наверняка решил, что ведьма передумает, так как всякая женщина зело падка на всяческие подношения.

Панас слушал парней молча, то бледнея, то краснея по мере повествования. Потеря кур его не сильно опечалила. Конечно, как всякому хренодерскому жителю, ему было жаль птицу. Но это всего лишь куры, существа глупые, но активно размножающиеся. Тут дело обстоит гораздо серьезнее. Сбывались самые страшные сны головы: ведьма нашла себе жениха на стороне. Кто может поручиться, что она прямо сейчас не пакует манатки, чтобы уехать строить новую жизнь и более светлую избу в селе побогаче Хренодерок? От возникшего в мозгу видения девушки, кидающей вещи в огромный сундук, Панасу стало нехорошо. Захотелось заорать, взять топор и злобно переколоть все дрова в округе, вырыть большую яму и закопать туда неизвестного жениха ведьмы вместе с ее сундуком, а саму смутьянку засадить в самый глубокий погреб – пусть охолонется. Голова взвыл и ринулся в калитку прямо через открытое окно, прямо через клумбы и кустарник. Тарам и Сарат помчались следом.

Параскева с грустью посмотрела в спину улетающему во все лопатки мужа. Она была женщиной строгой, но умной. И прекрасно понимала, что селу без ведьмы придется очень туго. Раз мужчины ничего сделать не могут, придется за дело взяться женщинам. Жена головы быстро пробежала по селу и постучала в окна, сзывая хозяек на собрание на луг за огородами. Мужей дома не было, так что пришлось брать младенцев с собой. К тому же пришлось ждать бабку Рагнеду, старейшую жительницу села Хренодерки, преклонные лета которой не давали быстро передвигаться и неумолимо тянули к земле. Бабка прибыла только через полчаса, когда остальные женщины уже успели обсудить все немногочисленные местные сплетни. У кого коза сколько козлят приносит, и сколько молока на раздое можно с нее надоить. В какую пору лучше сажать морковь или репу, а когда выдирать хрен, чтобы он как можно дольше не беспокоил.

Рагнеда появилась в сопровождении двух молодых внучек. Девочки споро расстелили на большом валуне кацавейку и усадили на нее бабку поудобнее. Собрание началось.

Первой выступила Параскева, разъяснив собранию ситуацию, сложившуюся с ведьмой. Все дружно заохали, заахали, загалдели.

– А мы, бабоньки, сами виноваты! – крикнула рыжая Алкефа, известная на селе красавица, бывшая замужем уже в третий раз.

Она была высока, с приятными округлостями и носила блузы с глубоким вырезом, приоткрывавшим соблазнительные округлости груди. За ее юбку, отороченную кружевом, держалась маленькая рыженькая дочка.

– В чем же мы виновны?! – возмутились все разом.

Особенно громко кричали те селянки, чьи мужья зачастую слишком долго пялились в ее вырез.

– Так мы для ведьмы даже кота пожалели. А она девка молодая. Ей тоже женского счастья хочется.

Женщины взволнованно загалдели. Это как раз они понимали. Женского счастья хотелось всем. Матери с детьми невольно потрепали своих чад по макушкам или прижали младенцев к груди. Одинокую Светлолику стало жаль. Но жертвовать ради ее женского счастья своими сыновьями никому не хотелось.

– А ведь мы все ей обязаны своим счастьем, – гнула свое Алкефа.

– Чем это мы ей обязаны?! – загалдели собравшиеся.

– А как же. Из-за нее даже бабка Дорофея замуж вышла, – радостно продолжала рыжая похитительница мужских сердец.

Бабка Дорофея, которая с недавних пор ходила в молодых женах и на все вопросы о скоропалительном замужестве шепелявила: «Это я хожу плохо, а полежать за себя еще могу», – кокетливо захихикала.

– Да, бабоньки, – поддержала Алкефу Параскева. – Вспомните, как раньше было: мужчины старались жениться только в крайнем случае, и то, если пожаловаться жрецу на соращение, а теперь женщин расхватили, как горячие пирожки. Настал наш черед помочь ведьме обрести счастье. Если не сделаем этого сейчас, она может нас покинуть. Что тогда делать будем? Посевная на носу!

Все загудели. Помочь ведьме хотелось. Но кто должен пожертвовать своим чадом для лесной отшельницы? Одно дело сочувствовать и совсем другое – собственноручно отдать родное чадо на растерзание ведьме.

– Волчья слобода! – Слова бабки Рагнеды прозвучали как гром среди ясного неба.

Женщины разом замолкли. Надо отметить: чтобы заставить молчать столько женщин разом, необходим талант. И у бабки Рагнеды он был. Хотя и название Волчьей слободы, которой пугали детей («вот будешь себя плохо вести, отдам тебя в Волчью слободу»), сыграло не последнюю роль. Волчьей слободой называли поселение двуипостасных в Безымянном лесу, чья вторая ипостась была волчьей. С ними сосуществовали вполне мирно, никто к ним не лез, и они в людские дела не мешались. Зато нежить не так сильно беспокоила, и в этом был несомненный плюс такого соседства.

– Кто-то должен сходить в Волчью слободу и предложить им выдать нашу ведьму за какого-нибудь холостого волка. Всем от этого только лучше будет.

– Правильно, правильно... – загалдели женщины.

– Волчьи пары на всю жизнь!

– Изменять не будет!

– И за наших девок спокойны будем!

На том и порешили. Делегатками к двуипостасным выбрали Алкефу и Параскеву. Параскеву – как авторитетную женщину и жену головы. Такую волки есть не станут. Зачем им с

Панасом ссориться? А Алкефу потому, что инициатива всегда наказуема, да и если волки ее схарчат – не жалко, ее только мужики любят.

Глава 4

На посадочной площадке Сартакля собралась почти вся стража тюрьмы во главе с капитаном. Неждан тоже был здесь и заметно нервничал, расхаживая вдоль стройного ряда подчиненных. Из Шепатура грозились прислать другого дракона с припасами. Вместе с тем давешний молодой маг, который принимал послание о побеге узника и теперь щеголял хорошим синяком под глазом, что в положительную сторону сказалось на его вежливости, доверительно попросил потерпеть пока без смены стражи и клятвенно заверил о двойной оплате переработки. Неждан подозревал, что дракона не станут гонять только из-за доставки провизии на остров. И как в воду глядел.

Дракон прилетел. И не какой-то бронзовый, а красавец серебряный. Настоящий боевой дракон. Такого в Сартакле еще не бывало. Ящер сделал круг над крепостью и пошел на посадку. Неждан выругался, не без основания ожидая от визита боевого повелителя неба какого-нибудь подвоха. Сам дракон особо ничего не сделает; может, конечно, своротить что-то по мелочи, например, несколько башенных зубьев. Но и старый бронзовый тоже этим грешил – то ли из вредности, то ли просто не всегда мог хорошо оценить собственные габариты. Начальника тюрьмы волновали люди, которых вез серебряный.

Дракон тяжело приземлился на посадочную площадку, проехал несколько метров по инерции и встал, давая людям вдоволь полюбоваться своей красотой. Предзакатное солнце играло на вычищенной до блеска чешуе ящера, слепя собравшихся разноцветными бликами. С массивного седла вниз стали спускаться люди. При ближайшем рассмотрении оказалось, что к категории «человек» можно отнести только трех из прибывших, четвертый был здоровенным вервольфом в стадии полуживера-получеловека. Лохматая шерсть, длинные руки с внушительными клинками когтей и острые зубы впечатлили всех собравшихся. Даже широкий кожаный ошейник на гривастой мускулистой шее человека-волка не мог унять нервную дрожь встречающих.

Всадник дракона, высокий и гибкий мужчина, ловко сгрузил на камень площадки многочисленные сумки с провиантом, дождался подписи накладной у Неждана, сослался на необходимость лететь, пока нет ядовитого тумана, и улетел на своем серебряном красавце.

Двое с вервольфом представились как маги и предъявили начальнику документы. Неждан с сомнением рассмотрел бумаги, которые на первый взгляд были не просто в порядке, но прямо-таки кричали о необходимости предоставить предъявителям всю посильную и непосильную помощь.

Флоднэг подождал, пока начальник крепости изучит его документы, и только потом попросил отвести его с учеником в камеру сбежавшего узника. При этих словах его ученик ощутимо вздрогнул. Впрочем, несколько стражников тоже. А это уже становилось интересным. Да кого же они, вервольф их задери, здесь стерегут? Нилрем отговорился лишь туманными фразами, предложив магу и его ученику разбираться на месте. И вот теперь Флоднэг пристально рассматривал неприступные стены крепости и удивлялся. Кого потребовалось заточать в такое место? И что самое любопытное, этот кто-то умудрился сбежать.

Тьма нижнего уровня приняла их настороженно. Это чувствовали все. И Флоднэг, и его ученик Намурас, и Лютый, неукротимый в схватке вервольф, и стража во главе с капитаном, и сам начальник тюрьмы. Из всех только Неждан ничем не выдал своих чувств, ступив в живую на ощупь темноту. Здесь не добавляли спокойствия факелы стражников, казалось, внутри ждет некто большой и страшный, как в детских кошмарах, и просто мечтает сцапать всех сразу и увлечь во тьму. Даже не хотелось думать, что он может там сделать.

«Хотя бы не шепчет», – вздохнул про себя капитан стражи, четко сознававший свой долг перед подчиненными стоять насмерть, не теряя лица.

И как будто в насмешку над его мыслями тьма тут же наполнилась невнятными шепотами и шорохами, словно кто-то невидимый хлопал кожистыми крыльями.

«Драконы, что ли?» – удивился Флоднэг, который принципиально не задавал местным наводящих вопросов, чтобы избежать снисходительных ответов с их стороны. Предполагалось, что столичные маги должны полностью владеть ситуацией, а его бросили, словно слепого котенка в озеро, – барахтайся как знаешь. «Ох уж этот Нилрем, – с досадой подумал боевой маг, печатая шаг по каменному полу. – Вечно что-то недоговаривает». Но тут же сдержал рванувшиеся было вскачь мысли. Имя главы совета магов не рекомендовалось упоминать всуе даже мысленно. Вдруг услышит? Про вездесущность верховного мага ходило множество слухов и откровенных баек, но тем не менее смельчаков проверить на деле, верны ли сплетни, не было.

На предположение Флоднега о драконах тьма насмешливо хмыкнула, заскрежетала чем-то костяным, сухо затрещала. Стражники вздрогнули и попятились. Вервольф оскалился, шерсть на загривке встала дыбом, и охранники столкнулись с заманчивым выбором: идти дальше в пугающую тьму или получить когтями от человека-волка. Ни то ни другое стражникам явно не нравилось. Но они выбрали тьму. В конце концов, пока неизвестный монстр станет ужинать начальством, у подчиненных всегда есть шанс сделать ноги, раз уж эти самые ноги все еще целы. Впрочем, до камеры беглеца добрались без помех. Темнота не особенно препятствовала, только пару раз неизвестно откуда взявшийся в подземелье ветер чуть не задул единственный источник света – факелы.

Из проделанной предприимчивым узником дыры в полу, пусть и заваленной разнообразным железным хламом, упорно сочился ядовитый туман. Конечно, его было уже не так много, как раньше, – солнце уже клонилось к закату, – но ядовитые пары «слез вампира» повергли сердца вошедших в опасливый трепет.

Флоднэг с видом энциклопедиста, открывшего невиданный доселе вид нежити, спросил:

– Это то, что я думаю?

– Да. Это то, чего на Бериморе больше всего – «слезы вампира», – с усмешкой откликнулся Неждан.

Стража во главе с Рамидалом дружно и торжественно кивнула, словно тщательно репетировала этот жест пару месяцев кряду.

– Понятно. Вот что, голубчики, даю вам десять минут, чтобы убрать весь этот хлам, – спокойно продолжал маг.

Намурас вздрогнул и придвинулся к учителю, справедливо полагая, что раз маг дожил до своего возраста, наверное, знает, что делает. Вервольф на всякий случай сдал назад. Запах ядовитого тумана, даже сильно разбавленный и на расстоянии, не нравился человеку-волку. Стража нервно икнула. Неждан задумчиво покрутил ус, хотя рука непроизвольно тянулась повторить этот жест у виска, еще раз внимательно осмотрел дыру, железки на ней, словно видел все это нагромождение впервые, и поинтересовался:

– Зачем? Вы собираетесь туда лезть?

– А вы знаете другой способ проследить за беглецом? – вопросом на вопрос ответил маг.

Неждан безразлично пожал плечами. В конце концов, он вовсе не обязан разбираться в поимке опасных заключенных, он должен их охранять. И до этого дня справедливо полагал, что делает это превосходно. Начальник тюрьмы бросил взгляд на прикрытую дыру и взгрустнул. «Вандал! Сломал такую тюрьму! Он заслуживает пыток до последнего вздоха».

– Разбирайте, – кивнул он стражникам, чем поверг несчастных в ступор.

Бедняги поняли, что тьма начальством отужинать пока не собирается, а вот туман запросто может убить их самих, и теперь просто не знали, как дальше жить с таким горем.

– Эй! – Окрик капитана прозвучал резко, как удар хлыста. – Вам особое приглашение надо? Шевелитесь, пока я лично не открыл эту демонову дыру и не побросал вас туда!

Стражники вздрогнули, метнули на начальника испуганные взгляды и зашуршали, как муравьи перед грозой.

– Да-а-а, Рамидал, умеешь ты найти подход к людям, – похлопал Неждан подчиненного по плечу.

Когда дело было кончено и железо грудой лежало в углу камеры, а стражники отирали пот негнушимися от усталости руками, Флоднэг запустил в дыру простое, но действенное заклинание проветривания. Все дружно вжались в стены, ожидая от мага какого-то подвоха. Но, как это ни странно, туман не рванулся оттуда наружу и не принялся душить ядовитыми щупальцами всех подряд. Он просто исчез. Стражники воззрились на удачливого мага, как на второе пришествие Всевышнего. Флоднэг в свою очередь принялся за обследование отверстия и уважительно присвистнул:

– Здесь явно потрудились грызуны. Кого вы тут держите, крыс, что ли?

– Почему крыс? – хмыкнул Неждан. – Вампиров.

При этих словах Намурас скептически фыркнул и позволил себе то, на что никогда не решался в присутствии наставника – вмешался в разговор:

– Вампиров истребили столетия назад, и все, кто говорит, что они существуют, – темные, невежественные люди.

– Вы так думаете, господин маг? – усмехнулся Неждан. – А хотите, я вас прямо сейчас познакомлю с одним из узников? Только учтите, молодой человек, наших узников кормят, когда меняется стража, а смену стражи вы не привезли.

В Намурасе боролись два чувства: с одной стороны, он очень хотел увидеть настоящего вампира, с другой, судя по книгам, вампиры и сытые никогда не отличались особенно кротким нравом и имели весьма специфическое чувство юмора, а уж с голодными связываться не рекомендовалось никому. Душевные терзания ученика отпечатались на лице крупными буквами. Флоднэг бросил пристальный взгляд светло-карих глаз на парнишку и быстро разрешил сомнения ученика:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.